

**Зелье для Ее
Величества.
Усадьба**

18+

Попов Дмитрий

Дмитрий Попов Зелье для Ее Величества. Усадьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69771445

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой служащий Розыскной экспедиции Санкт-Петербурга времён Екатерины II (1770 год) Иван Розинцев привлекается к расследованию обряда оккультистов. Поиски выводят его на людей из Тайной экспедиции (наследнице Тайной канцелярии), которые прикрывают от общественности крайне пугающее происшествие во дворце императрицы, грозящее смутой во всей Империи. Нити расследования ведут в усадьбу, о которой с недавних пор идёт недобрая молва, и Розинцев предполагает, что там над людьми проводят жуткие опыты.

Дмитрий Попов

Зелье для Ее

Величества. Усадьба

«Совершенно секретно. Начальнику ГРУ генералу Скобе-
еву.

По данным источника F., на территории РФ планируется масштабная диверсия с использованием гражданского населения под предварительной обработкой психотропным веществом, которое находится на завершающей стадии разработки. Из полученных сведений следует, что подобные исследования проводились в 1770 году, разработчики неизвестны, место – Санкт-Петербург и его близлежащие районы. Предположительный результат – бунт Е. Пугачёва. Другие исследования неизвестны. Донесение составил капитан Швецов».

Генерал глубоко вздохнул. Эти проклятые англосаксы как будто из другого мира появились в этом, чтобы его тиранить. Куда ни сунут свою лапу – везде кровь и истребление. И с каждым разом все циничнее и циничнее. Плохо то, что информации с гулькин нос. Даже непонятно, какая корпорация за этим стоит, слышишь звон, да не знаешь, где он. Надо будет расширить аналитический центр, отслеживающий маркеры нестандартных явлений, новые контакты произво-

дителей и сбытчиков, изменение логистики поступления товаров, политическую риторику «партнеров», течения в социуме. Но как под это выбить деньги, основываясь на таких вот донесениях?

Снова вздохнул.

Служащий Розыскной экспедиции Санкт-Петербурга Иван Розинцев очнулся от какого-то полусна-полубреда, наполненного кошмарами и жутью, недоуменно обвел глазами освещенный еще слабой утренней зарей казенный кабинет, обставленный дорогой мебелью. Он понятия не имел, как здесь оказался и что это за место; остатки сна понемногу улетучивались. За дверью слышалась какая-то брань, топот и лязг металла о металл. Иван потрянул головой и, как это делают в книгах, – ущипнул себя. Окружающий мир стал четче, но не исчез.

Встал и с опаской на цыпочках подошел к двери. Хотел приоткрыть самую малость, но покачнулся, и дверь открылась широко. Его взору предстали два отчаянно фехтующих сановника высоких чинов. Один из них, суховатый, средних лет и росту, заметив его, крикнул:

– Розинцев, хватай шпагу и помоги мне!

И он узнал этот голос и узнал этого человека. Нет, помогать ему он точно не станет. Иван швырнул в него стоящий

у стены стул и, пользуясь тем, что находился сбоку-сзади, схватил за шею и повалил на пол. Его противник тем временем пинком ноги выбил у поверженного врага шпагу из руки.

«Это утро похлеще вчерашнего будет», – подумал Иван, но в следующее мгновение что-то тяжелое опустилось ему на голову, и свет померк...

...Безмятежный сон Ивана был прерван напористым стуком в дверь его скромного жилища. Сквозь туман ускользающего сна и глухие удары он наконец-то расслышал голос слуги своего шефа Степана:

– Ваше благородие, Ваше благородие, вставайте! Николай Григорич велел вам без промедления прибыть на Перспективную улицу, там, где лес начинается!

– Чего случилось-то? – Иван потряс головой, разгоняя остатки сна.

– На рассвете в дом к Его высокоблагородию прибежал дежурный, сказал, какой-то торгош ехал спозаранку в город и на пустыре увидел хоровод покойников вокруг идолища языческого. Кабы кто другой сказал, так взашей бы погнали, а тут, говорит, торговец справный, трезвый, да мальчонка на телеге ревет со страху.

Розинцев нахмурился – бесовщины еще не хватало. Быстро собрался. У дома, в котором он квартировал, стояла карета его шефа – надо же, какое уважение, видать, дело нешуточное.

– А сам Николай Григорьевич где?

– На казенной карете туда отбыли.

«Ну дела», – мелькнуло в голове молодого человека.

Карета тронулась. Розинцев был уже свеж и бодр – может, конечно, торговец этот и прибрехал малость, но все равно

дело вырисовывалось необычным. Он третий год служил в Розыскной экспедиции и успел разочароваться в службе. Что интересного – постоянно крадут да постоянно во хмелю режут друг друга. Лови не лови – все одно, красть и убивать друг дружку меньше не станут. Было всего-то одно интересное дело, когда шайку разбойников ловили, тогда вот польза была – на дорогах спокойнее стало.

Из задумчивости его вывел зычный голос:

– А ну стой!

– Тпру! – отреагировал кучер.

– Кто такие?

– Сыщик Розыскного приказа тут едут! По приказу его превосходительства! – грозно ответил голосу Степан.

– Проезжай!

Иван с любопытством посмотрел в окно – на дороге стоял караул гренадеров. Из другого окна была видна поляна, на которой расположились несколько пикетов.

«Что-то действительно серьезное», – и Розинцев отбросил все свои размышления, сосредотачиваясь. При расследовании надо думать о расследовании и ни о чем другом.

Карета свернула в поле и почти сразу остановилась. Иван быстро вышел и тут же услышал нетерпеливый голос шефа, который выглянул из-за казенной кареты:

– Быстрее, Розинцев, быстрее!

Побежал к начальству, краем глаза отметив, что и с этой стороны на поле и вдоль леса на расстоянии шагов в сто друг

от друга расположились пикеты гренадеров.

Остановиться возле себя его высокоблагородие не дал, а подтолкнул дальше:

– Давай, давай, смотри быстрее!

Иван забежал за карету, закрывающую обзор, и оторопел. В этом месте поляна шла немного вверх, давая хороший обзор месту. На этом хорошее заканчивалось.

На траве в форме пятиугольника лежало пять тел. В центре был вбит кол, на котором висел череп какого-то рогатого животного.

«Вот тебе и нате», – пронеслось в голове Ивана, и он невольно перекрестился.

– Это ж какой душегуб такое сотворил! – услышал он позади голос шефа. – Отродясь о таком не слыхивали! Это ж сатанинство чистой воды! И где?? В столице!! У нас под носом! Это ж скандал, брожения, слухи! – распалялся он. – А как во дворце узнают? А в Европе?? – впадал в панику его высокоблагородие.

– Ну ведьмаков у них там всяких в стократ поболее будет, до сих пор вон на кострах жгут, – механически произнес Иван, всецело погружаясь в ситуацию.

– Поболее-то поболее! Так в своем глазу сам знаешь – бревна не видно!

– Угу, – согласился так же механически, уже приступив к осмотру покойников.

– Ты это, Иван, смотри давай быстрее, вишь, где злодей-

ство учинено – прям у дороги! Я приказал ее с двух сторон перекрыть, да неровен час кто из высоких господ поедет, да и столпотворение скоро начнется, слухи поползут!

– Конечно, конечно, – кивнул Иван, – местность вокруг осмотрели?

– Осмотрели, нету ничего. Нашли только следы от кареты, запряженной четверкой лошадей. Стало быть, ехала из города, свернула сюда, потом поехала дальше, в сторону Москвы. За ней уже отряжена погоня, может, догонят.

– Хорошо, – сказал отвлеченно Розинцев, продолжая изучать тела, затем осмотрел кол с черепом. Отошел подальше, чтобы запечатлеть всю картину произошедшего целиком.

«Эх, надо бы художника в штате завести, чтобы зарисовать мог, мало ли какую деталь упустить можно», – подумалось ему.

– Ну что там, Иван Михайлович? – торопил шеф.

Его высокоблагородие Николай Григорьевич Штерн был хорошим организатором, не лишенным ищейской чуйки, с мужицкой хитрецей и жесткой хваткой. Но он терялся, когда какое-нибудь преступление было совершено мало-мальски не по шаблону. Тогда он загонял людей в шаблон, заставляя сознаваться без вины. Но это если дело касалось простых смертных. В случаях, когда в деле оказывались замешаны люди благородного происхождения, он доверялся Розинцеву, у которого был врожденный талант устанавливать и распутывать причинно-следственные связи. А это дело вот

так, просто первому встречному, не пришьешь, тут изловить надо. Да это если он один, а если секта?

– Ну, Иван Михайлович, скоро?? – все не унимался шеф. Оно и понятно: быстрее с глаз долой эту сцену, повторится или нет такое действие, неизвестно, а вот увидит кто если – нехорошо будет.

– Да, Ваше высокоблагородие, можно увозить тела.

– Эй! – крикнул тот четверым младшим чинам, расположившимся возле кареты для арестантов. – А ну живо покойников в карету и ходу отсюда!

– В Божедом? – поинтересовался Розинцев.

– А куда же еще?

– И что там скажем? Что Розыскная экспедиция занялась сбором покойников? Или что пятерых за раз убили?

Шеф нахмурился. Нехорошо выходило.

– И что вы предлагаете, господин Розинцев?

– Предлагаю продержат их до ночи в карете, а ночью развезти по разным частям города. Пусть их кто другой найдет.

– Толково, – после некоторых размышлений кивнул шеф и пошел давать новые указания подчиненным. Такой вариант его вполне устраивал – торгашу никто не поверит, гренандеры ничего не видели, он их нарочно подальше расставил, его люди приучены молчать. Если кто из начальства и задаст вопрос – предъявит палку с черепом, мол, принял все меры для сокрытия святотатства.

Обратно в присутствии ехали молча. Шеф – все еще встревоженный, но повеселевший, Розинцев – задумчивый. Шеф не мешал думать. Свою часть дела он сделал – не допустил огласки, а как следствие и волнений, но понимал, что человека этого или людей надобно сыскать, мало ли чего еще удумают. Розинцеву этот момент был лестен. Он знал, что сейчас его высокоблагородие по одному его щелчку пальцев перевернет весь город и округу. Правда, если впустую, то...

По приезде, не сговариваясь, так же молча прошли в кабинет начальства. Расположились. Слуги подали шефу под-

нос с графином наливки и закуской, Розинцеву чай с лимоном и бутерброды.

Шеф, смакуя, выпил рюмочку и, закусив бутербродом с икрой, наконец спросил:

– Ну, что думаете, Иван Михайлович?

Несколько помедлив, Иван ответил:

– Все эти люди, – кивнул он условно в сторону поляны, – умерли в разное время, в разных местах и от разных причин.

Брови Штерна вскинулись.

– Кто-то их собрал, привез на поле, разложил и вбил кол, ну, или кол заранее вбил и потом разложил – это неважно.

– Из каких размышлений такие выводы?

– Судите сами, Николай Григорьевич. Одного несколько раз пырнули ножом в живот, и одежда вся в грязи. Второго убили одним ударом ножа в спину, и одежда у него не испачканная. У третьего проломлен затылок, причем дня два как уже. Четвертый явно умер от перепоя, а пятый не знаю от чего. Но. Четвертому и пятому после смерти зачем-то перерезали глотки.

– Эх скоро вы все разглядели! А я, признаться, был в некоем потрясении, как в тумане прям! Стало быть, не сатанинское убийство??

– Не групповое убийство, это точно, но не могу сказать, что не обряд.

– Как же это так?

– Ну вот, к примеру, кто-нибудь одержимый решил вер-

нуть людей с того света – насобирали покойников и повез обряд проводить.

– Господи! – ужаснулся такой мысли шеф и размахисто перекрестился. – Еще нам чего не хватало, чтобы умерших оживляли!

– Николай Григорьевич, вы же понимаете, что все это воспаленное воображение выжившего из ума человека или группы людей?

– Ну так что с того, – отошел от воображенной жуткой картины шеф. – Это сейчас у нас удачно вышло концы в воду спрятать. А ну-ка дальше такое непотребство творить начнут? Да еще раз получаться не будет, так и кровь лить начнут, как вон в книгах богопротивных пишут.

Иван слегка покривился:

– Это я для примера сказал, что оживить пытались. Может, духа какого вызывали. Тут дело в другом.

– Это в чем же?

– Я, конечно, не знаток ритуалов, но мне они по-другому представлялись.

– Например?

– Во-первых, обряд должен проводиться вдали от посторонних глаз, чтобы не помешал кто. Во-вторых, с определенной вдумчивостью, неспешностью, с использованием свечей, факелов, украшений и еще там чего. А тут все как наспех. У самой дороги, хоть даже и ночью – мало ли людишек по ночам слоняется. Ни факелов, ни воска, ни краски.

– Может, это специально-аскетичный обряд.

– Может. Но не у дороги же. Получается, приехали, разложили, что-то там пробормотали и уехали. Странный обряд, вы не находите?

– Я нахожу, что у сумасбродов все странное!

Иван кивнул, соглашаясь.

– Что делать-то будем, коли погоня не удастся? – Шеф снова стал приходить в волнение.

– Думаю, одна ниточка у нас есть.

– Какая? – резко подался вперед Штерн.

– Который с разбитой головой и неизвестно от чего умерший – их явно из Божедома взяли, куда покойников свозят. Очень уж у них положение тел одинаковое, как перед похоронами. Да и окоченение уже было.

– Ага!! – вскочил Штерн, который как ищейка почувствовал след. – Сейчас мы тех зрителей примерно допросим, я лично из них душу вытрясу, и кому отдали тех покойников, скажут! Скажут, как миленькие! – провозгласил шеф, потирая руки и входя в азарт от возможного скорейшего раскрытия такого громкого дела.

«Коли поймаем, тогда можно будет и покойников по городу не разбрасывать, а доложить, как все и было», – подумал Иван.

Шеф тем временем уже отдавал команды:

– Степан! Степан, мать твою за ногу!!

– Слухаю, Ваше высокоблагородие! – отчеканил влетев-

ший в дверь слуга.

– Отправь людей в мертвецкую, всех кто там есть – живо в допросную, ночных сторожей сыскать и тоже сюда волочь. Понял?

– Точно так, Ваше высокоблагородие!

– Ну пошел, пошел, родной, да поторопи там всех, не то живо у меня плетей отхватят!!

И, обращаясь сам к себе, расхаживая по комнате:

– Ну ничего, ничего, сыщем мы тебя, голубчик!! Ох и запоешь ты у меня тут, ох и заголосишь!!

Иван поморщился – он был противником пыток и истязаний.

Через полчаса вернулся Степан и сообщил, что все, кого велено арестовать, находятся в допросной. Быстро спустились в пропахший кровью, паленым человеческим телом и сыростью подвал, в котором была устроена допросная. У стены жались четверо: трое бородатых крепких мужиков и один неряшливо одетый в поношенное цивильное платье.

– Кто такие? – грозно спросил Штерн.

– Я смотритель! – с немецким акцентом пропищал тот, что в цивильном. – С какой целью и по какому праву меня столь бесцеремонно схватили?!

Штерн еле заметно кивнул палачу. Практически мгновенно смотритель сложился пополам, получив удар в солнечное сплетение.

– У нас попусту людей не хватают, – назидательно произ-

нес его высокоблагородие и, наклонившись к уху, рявкнул: – и коли тебя сюда приволокли, пес, то отвечай, что спрашивают, и не дерзи!

Распрямился и уже обратился к Ивану:

– Нет, все ж таки неправильно было отменять предварительную пытку! Как раньше хорошо было – придешь, помню, а вор уже готов все рассказать – знай сиди да записывай. А сейчас что? Каждый норовит свой гонор показать, – мотнул головой в сторону скрючившегося на полу немца.

– Ну а вы, голубчики, кто такая? – и подойдя поближе, ткнул пальцем в одного из мужиков. – Ты?

– В мертвецкой работаю, барин, с Васькой, вон, мертвяков таскаем, да караулим ночью по очереди, – хмуро ответил тот.

– Ага, с Васькой, значит, – констатировал шеф, – ну, а ты у нас кто, голубь? – обратился он к третьему мужику.

– Конюх я, барин, – поклонился тот.

Шеф немного помолчал, затем сел за стол следователя.

– Кто из вас, нехристей, сегодня ночью караулил?

– Я, барин, – ответил хмурый мужик, про которого сказали, что он Васька.

– Ну и расскажи мне, что было, да только на меня смотри, бесовская душа! Коль хоть раз сморгнешь – тотчас на дыбе окажешься!

Мужик посмотрел в направлении, указанном Штерном, охнул, перекрестился и выпалил:

– Вчерась, как стемнело, я уж и спать-то прилег, вдруг

слышу, кто-то в дверь барабанит, значит. Ну так вот, подхожу это я, значит, к двери-то и спрашиваю: «Хто тама?» – а мне криком – отворяй, говорят, служба, говорят, государева, открывай, а то дверь сейчас вынесем. И словами всяким матерными. Вот значит как.

– Это что это за служба такая к тебе пожаловала?

– А почему мне знать? Зашли в мундирах, значит, в шляпах, навроде вот вашенской, и говорят: «Показывай нам покойников, которых сегодня доставили». Ну я им и показал.

– Скольких покойников ты им показал?

Мужик посмотрел в потолок, загибая пальцы:

– Пятерых и показал: одного, значит, еще по тому утру привезли – хтой-то ему башку проломил, – и перекрестился, – потом, значит, было две бабы: одна, значит, утопленница, другая – родами померла, – мужик снова перекрестился. – Еще был блаженный, говорят, на паперти так и отдал Богу душу. И есчо один мужик – тот не знаю, от чего помер.

Его высокоблагородие в некоторой задумчивости посмотрел на Ивана:

– Интересные дела, – протянул он.

– А глотки у мужиков целые были? – спросил Иван.

Мужик удивленно вытаращился:

– А то как же, барин! Целые.

Штерн задумчиво кивнул своим мыслям.

– И кого же они забрали?

– Так это, того, кто с башкой проломленной, и второго,

который не пойми от чего кончился, – снова перекрестился Васька.

– А зачем забрали, сказали?

– Сказали, барин, мол, похожи на преступников государевых и надо, как его там, опознание произвести! – гордый знанием умного оборота речи закончил мужик.

– Опознание, – механически поправил Штерн. Немного подумал.

– Кто из вас еще чего видел или слышал? – и с этими словами многозначительно выложил на стол гривенник.

– Дозволь сказать, барин, – поклонился конюх.

– Говори.

– Я это, как его, спал уже, значит, а потом вдруг слышу – в двери люди форменные колотют. Ну я-то струхнул малек, мало ли за чем явились, как был, значит, это в телеге, так и затаился там. Ага. А того пуще страху было, что у дверей карета стояла, а у этой кареты окошки, значит, с решетками. Ага. Я вспомнил, на таких каретах ране люди Тайной кацрелянии врагов, значит, государевых возили. Ага. Тута я совсем перетрухался, нешто, думаю, Васька, – кивнул в сторону ночного караульщика, – против царевны что замыслил! Потому, значит, смотрю, а они покойников выносят. Двоих, значит, в карету сложили и уехали. А более я ничего не видел, – закончил с поклоном мужик.

«Вот так дела», – подумал Иван.

– А не врете ли вы мне, сучьи дети? – рявкнул Штерн,

шарахнув кулаком по столу.

Мужики враз бросились на колени и закрестились:

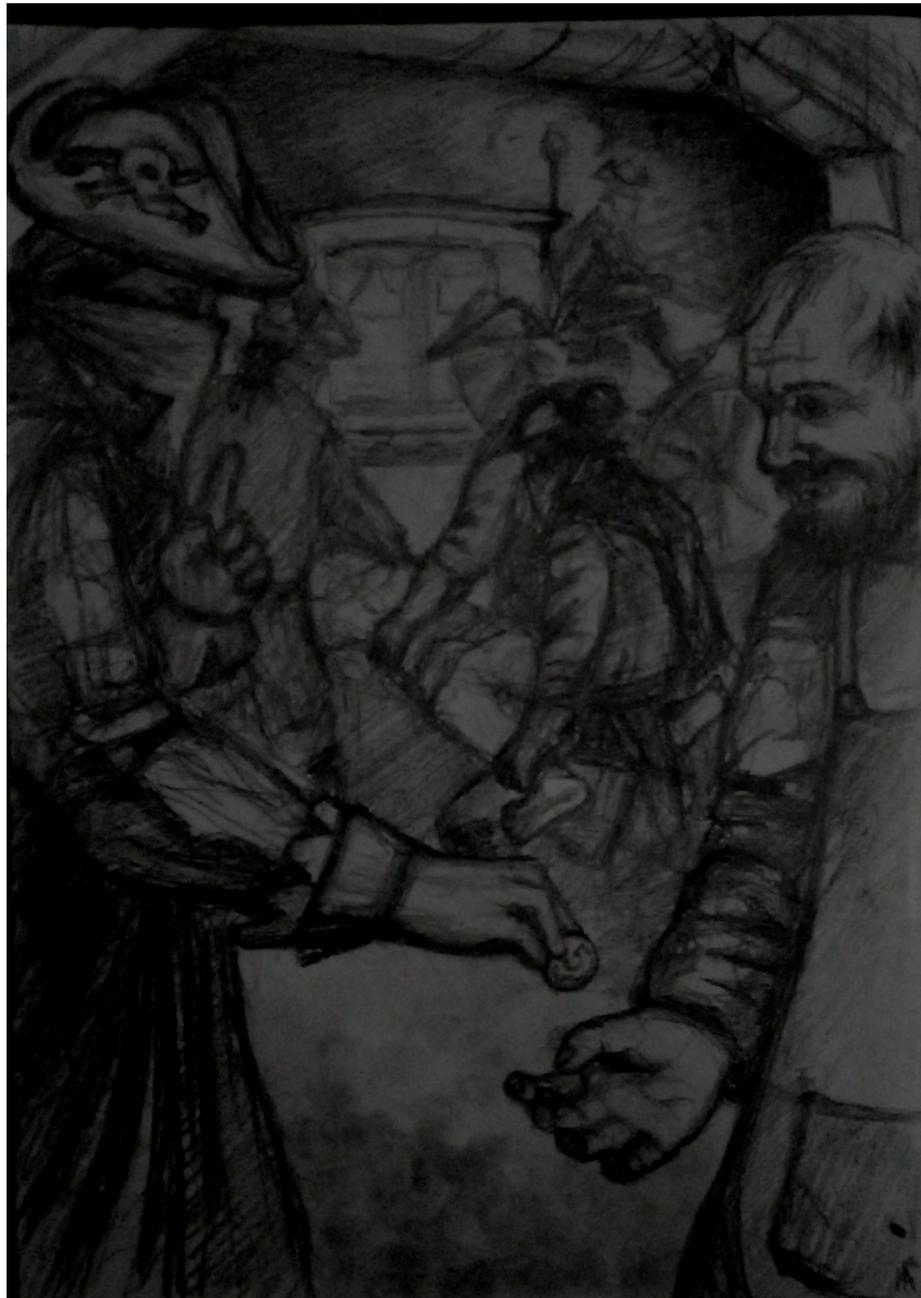
– Как есть все сказали, барин, как на духу! – забожились они хором.

– Ну ладно, верю вам. Сейчас вот тебе, – ткнул он пальцем в Ваську, – покажут покойников, скажешь, кого из них забрали те люди. Потом свободны. Кому про тех людей и про сегодня расскажете – велю языки поотрезать. Ясно, что ли?!

– Ясно, барин, – нестройным хором пробасили мужики.

– Ну а коли ясно, то пошли вон отсель, – и, кинув монету конюху, уточнил: – это на всех.

Кладя низкие поклоны, мужички скоро дошаркали до дверей и быстро вышли.

Иван пребывал в недоумении. Посмотрел на шефа. Николай Григорьевич мрачно и грозно сверлил глазами оставшегося зрителя, который уже пришел в себя и помалкивал.

– А ну-ка, Илья, разогрей мне голубчика, – кивнул он в сторону немца.

Палач привычным движением заломил жертве руку и поволок к пытошному стулу.

Тот стал верещать:

– По какому праву?! Я буду жаловаться! Это беззаконие!!!

Иван посмотрел на стены, которые исковерканным гулким эхом возвращали слова несчастного, не собираясь впитывать его страх и ужас. «Интересно, а камни могут запоминать те крики, которые на них воздействуют или меняться под их воздействием?» – мелькнула в голове Ивана почти научная мысль.

– А зачем его на стул? – мотнул он головой в сторону зрителя.

– Да вот думаю, должны за такими людишками грешки всякие водиться. Это ж кто в здравом уме пойдет в покойницкую служить? Может, его бес одолевает, а может, дела какие богопротивные творит!

– Так может, он и так расскажет?

– Так-то он с три короба наврет, чтобы от пытки увильнуть. А под пыткой-то как на духу все расскажет. Под пыткой-то не врут!

Иван прикинул, а если ему вот так, по нелепому обвинению, начнут суставы выламывать, оговорит он себя или будет орать, что не виноват? Передернулся и отогнал эту мысль.

Вопящего несчастного между тем уже усадили на стул и обездвижили, прикрутив к креслу по рукам и ногам.

– Ну, родной, будешь мне рассказывать о делах своих подлых? – спросил Штерн, наклонившись к нему.

– Ничего такого я не делал!! – выкрикнул тот. – Вы за это ответите! У меня есть хорошие связи!!

– Это всегда хорошо, когда есть покровители, – поучительным тоном обратился Штерн к Ивану, – такие вот голубчики чего только про них не расскажут, и потом тот человек у тебя – вот где, – продемонстрировал сжатый кулак, – хотя, конечно, тут с умом подходить надо, бывают такие покровители, что... – и он многозначительно промолчал.

Повернулся к пытошному стулу:

– Давай, Ильюша, нечего тут тянуть.

Иван отвел глаза, обвиняемый в темных делишках взвыл. Потом еще раз. Ивана начало мутить.

– Ну что, голуба, будешь говорить или мы продолжим?

– Хорошо, хорошо, я все скажу! – прокричал тот.

– Говори.

– Я продавал одному человеку покойников!

– Что за человек?

– Он не называл своего имени, всегда ходил во всем черном, лицо снизу закрывал шарфом, а сверху надевал маску.

Только глаза и видел – черные.

– Какого росту?

– Выше среднего человека.

– Сколько покойников продал, почему?

– Около десятка, платил по рублю, требовал, чтобы свежими были.

– Зачем они ему?

– Он не говорил!

– Когда в последний раз был?

– После Рождества не видел его больше!

Штерн кивнул чему-то своему, угукнул.

– Какие еще богопротивные дела делал, нехристь?! – повысил голос его высокоблагородие.

– Боле никаких! Ну разве что по гривеннику беру, чтобы покойного покраше сделать для похорон.

Штерн скривился, сплюнул на пол.

– Тьфу ты, какой мерзостный человечиска, да и служба тоже. Ладно, иди отсюда с богом да помалкивай, не то вмиг на каторгу пойдешь! Понял, что ли?!

– Да, да, Ваше высокоблагородие, – истово закивал головой тот, – буду нем как могила!

Штерн расхохотался:

– Могильщик нем как могила, – скаламбурил он и продолжил смеяться, утирая слезы.

С тем и стали подниматься наверх. Вышли на улицу. Стоял теплый и яркий день, остро пахло осенней листвой. «Ка-

кой же Мир построил Бог, и какие мы в нем вырыли норы», – подумал Иван, памятуя пытошную.

Штерн поцокал языком, постучал тростью по мостовой:

– А не выгорает у нас дело-то, господин губернский секретарь! – шеф всегда так говорил, когда чувствовал, что не зависит от талантов Ивана.

– Это почему же? – удивился Розинцев. – Кто взял покойников, мы знаем, да еще этого покупателя тел можно поймать да выспросить примерно.

– Господин Розинцев! – прикрикнул на него шеф. – Я не буду вмешиваться в дела Тайной канцелярии... тьфу ты – Тайной экспедиции! Раз они так сделали, значит, зачем-то им это нужно, а может, и не им, а кому повыше! И мы в это дело своего носа совать не будем. Вам ясно?!

– Так точно, Ваше высокоблагородие! – вытянулся в струнку. – А как быть с покупателем этим?

– Да никак. Лекарь какой-нибудь строение тела изучает или извращенец какой, – махнул рукой Штерн, – если хотите, то караульте, а мне до него решительно никакого дела нету.

Шеф был раздосадован. Столько перенервничать с утра, ухватиться за ниточку и выяснить, что это хвост дракона – такое кому хочешь настроение испортит.

Вскоре они услышали цокот копыт, и во двор их ведомства въехал посыльный Тайной экспедиции. Шеф немного побледнел, Иван тоже несколько оторопел – неужто уже прознали!

– Пакет для его превосходительства барона Штерна от его высокопревосходительства господина Шешковского! – официально объявил посыльный, вручил пакет Семену и, отсалютовав, отбыл. Стало быть, ответа глава Тайной экспедиции не предполагал.

– Ну давай поглядим, чем нас тут порадуют, – с мрачно-важной иронией произнес шеф. То, что в пакете ничего радостного нет, было понятно. С таким-то утром и день не задастся.

Прошли в беседку в небольшом парке, специально построенную для шефа, чтобы в погожий день не дышать кабинетной пылью, а также чтобы было где отобедать хорошеньким деньком в прекрасном расположении духа.

Расселись, вскрыли пакет. Поверх стопки розыскных листов с рисунками преступника лежало письмо. Штерн проверил и сломал печать, Иван взял в руки рисунок разыскиваемого. Внизу надпись:

«Разыскивается душегубец и язычник, убивающий и оскверняющий добрых христиан, творящий богомерзкия обряды. Награда за поимку – 25 рублей серебром».

– Вот те нате, – озадачено произнес шеф, прочитав письмо, – извольте взглянуть, господин Розинцев, – с этими словами он протянул письмо Ивану.

«Барону Штерну. Господин Штерн! Прошу оказать содействие в деле Государственной важности. В частности, Вам надлежит: расклеить прилагаемые портреты и найти охотничьих собак, способных к распознаванию запахов.

Дать им для следа понюхать прилагаемую тряпицу, после отправить людей с этими собаками по людным местам – кабакам, базарам и ярмаркам. На кого собаки укажут – хватать и без промедления отвозить ко мне, в Тайную экспедицию. Вопросов не задавать, жалоб не слушать. Если человек окажется благородного происхождения либо будет одет цивильно, то за ним следует тайно проследить и достоверно узнать где он живет. О том сообщать мне незамедлительно. Подпись: С.И. Шешковский».

– Интересные там у них дела делаются, – прокомментировал письмо Иван.

– Да уж куда интереснее, – недовольно высказался Штерн. – Что вы об этом думаете, Иван Михайлович?

«Значит, теперь я снова на коне», – улыбнулся про себя Розинцев, а вслух сказал:

– Думаю, душегуба они ищут только для того, чтобы поднять свою значимость перед государыней.

– Это отчего так?

– Посудите сами, Николай Григорьевич. Сцену у дороги, якобы устроенную душегубцем, – устроили они. Портрет прорисован детально – так со слов не нарисовать. Этот человек явно уже у них в камере сидит, чуток народ с императрицей попугают – и «поймают» нехрестя. А он один в один как на картинке. То-то Шешковскому уважение будет!

Шеф покачал головой:

– Это да. Это ж надо такое придумать!! Но зачем тогда с

собаками еще кого-то искать?

– Думаю, ищут они кого-то по-настоящему. А душегубец этот – для отвода глаз, ну или думают, что если второго не поймают, так хоть этим прикроются, мол вон какого татя изловили! За него того, другого простят, коли не словят.

Его высокоблагородие хмыкнул:

– Эх, кто их там разберет в этой Тайной экспедиции – знай себе на уме. Ладно, наше дело маленькое – сыскать собак да по рынкам и притонам всяким шляться. На кого гавкнет – того и брать. Эй, Степан!! – позвал он слугу.

Дав необходимые указания, поднялся. Иван тоже.

– Ну что же, на сегодня, думаю, злоключений с нас достаточно. Крепов пусть ищет собак, да с утра отправит их на людей тьявкать, а нам, пожалуй, можно и отдохнуть.

– До свидания, Николай Григорьевич, – вежливо полупоклонился Иван.

– Спасибо, голубчик, ступай, – кивнул ему шеф.

Домой решил пройтись пешком. Слишком много необычного сегодня случилось, все это требовалось неспешно обдумать и сопоставить. А выходило все вот как.

На очень высоком уровне что-то произошло. До той степени, что Тайная экспедиция, созданная для охраны Ее Императорского Величества, не погнушалась привлечь Розыскную экспедицию к поимке неких людей, которые должны чем-то пахнуть. Как вариант – что-то украдено из дворца. Может, при этом воры что-то обронули, может, украденное

располагалось в месте, имеющем специфический запах, соответственно, грабители им пропитались. Скорее всего, так. Но зачем устраивать этот спектакль с оккультистами? В конечном счете можно было все свалить на них, на Розыскную экспедицию – мол, ищите-ловите, а коли не поймаете – то грош вам цена! Зачем такой огород городить?

Шел и думал. Что-то здесь не складывалось. Причем не складывалось с точки зрения Тайной экспедиции. Он чувствовал, что у них что-то не сработало так, как надо. Стал просматривать развитие событий – и тут его осенило! Подручные Шешковского намеренно разложили тела у дороги, ведущей в столицу, дабы там устроилось столпотворение зевак и к полудню Санкт-Петербург наполнился бы слухами и пересудами, а тут как раз и портрет душегуба подоспел бы. А как вышло? Торгаш спозаранку увидел да донес, Штерн быстро оцепил место, да по-тихому все убрали. Получается, что сейчас к этому портрету расклеенному не будет особого внимания. Мало ли душегубцев по земле ходит. Стало быть, они могут это дело повторить, чтобы уж город точно забурил, а под шумок – хватай кого угодно, страх он все спишет.

Ноги его сами понесли к мертвецкой. «Вмешиваться, конечно, в их дела мне не следует, но посмотреть посмотрю, может, чего нужного узнаю». Чтобы скоротать время до сумерек и подкрепиться, зашел в таверну. Как стало смеркаться, вышел и занял удобное место за углом какого-то дома, откуда хорошо просматривался вход в покойницкую. Чтобы

время текло с пользой, стал прикидывать, что такого могло случиться, чтобы подобный сумбур вышел. Моросил мелкий дождь.

Он не услышал даже шороха – на голову натянули мешок и железной хваткой заломили руки за спину, быстро обшарили. Даже ойкнуть не успел. Пока волокли, брыкался как мог, но на помощь не звал – во-первых, не помогут, во-вторых, урон его чести. Вскоре его запихали в карету. Похитители сели по бокам, продолжая удерживать его за руки.

– Я – сыщик Розыскной экспедиции Розинцев! – решил обозначить себя похитителям Иван, мало ли, может, обозначились. – За мое похищение на каторгу пойдете!

В ответ не прозвучало ни слова.

«Ну что ж, по крайней мере, будь это простые грабители, я бы уже лежал с проломленной головой, а не ехал в карете», – подумал Иван и предоставил себя своей судьбе.

Через десять минут карета остановилась. Его более-менее предупредительно поставили на землю, и приглушенный сиплый голос произнес:

– Ступайте спокойно, Ваше благородие.

К этому времени Розинцев был уже в ярости – никто не смеет вот так запросто хватать дворянина, да еще который служит государству! Но на пленителей он свою злость тратить не стал, они люди подневольные, им приказали – они исполнили. Ну а вот тому, кто отдал такой приказ, он выскажет все в лицо, невзирая на чины, решил про себя Иван.

– Осторожно, тут ступени, – придержали его под локоток.

Почему-то Иван ожидал, что ступени поведут наверх, но нога провалилась, и он чуть кубарем не покатился вниз. Немного стало не по себе. Лестницы, ведущие в подвал, не сулят ничего хорошего, а полагать, что его ведут в винный погреб, у него оснований не было. Вскоре у Розинцева развеялись все подозрения – судя по запахам, поднимающимся снизу, его вели в пытошную.

Ноги противно задрожали, он весь покрылся холодным потом, подкатила тошнота. Мало ли – донос кто настрочил о заговоре, тут цацкаться не станут, засунут ногу в испанский сапог или на дыбе кости из суставов выдернут – и готов государев преступник. Ступени кончились, Ивана немного развернули и слегка подтолкнули в спину. Он понял, что уже в допросной. Тяжелая рука хлопнула его по плечу, и он бухнулся на жесткий табурет. Сдернули мешок. Розинцев слегка прищурился от света факелов. Перед ним сидел, судя по платью, вельможа высокого положения. В его маленьких черных колючих глазах мерцало отраженное пламя факелов.

– Посмотри-ка, Кондрат, – обратился вельможа к палачу, – еще зеленый совсем, а все туда же, во враги нашей матушки императрицы!

– Да какой же я враг!! – выпалил Иван, вскакивая. – Отродясь не было, верой и правдой служу Ее Императорскому Величеству!!

Тяжелая рука сзади снова опустила его на табурет, да так

и осталась лежать на плече.

– Вот сейчас мы про то и сведаем, – кивнул незнакомец палачу.

Дальнейшее Иван помнил с трудом – он что-то бессвязно выкрикивал и брыкался, однако очень быстро был разут, по пояс раздет, одна нога была зажата в ящике с шипами на шестеренках – «испанский сапог», руки связаны и подтянуты на веревке над головой.

– Раскали щипцы как следует, голубчик, – отдал новое распоряжение человек с черными глазами, – с малого начнем, торопиться нам некуда.

Палач живо переместился к камину с углями, из которых торчали всякие железяки, и начал их раздувать мехами.

– В чем конкретно меня обвиняют? – пролепетал-проплакал несчастный.

– А в том, голуба, что хотел навредить слугам Ее Величества. С какой целью следил, кто послал?! – рявкнул он.

– Да никто не посылал! – крикнул Розинцев и дальше выпалил все события этого дня и все свои мысли.

– Складно врешь, – кивнул вельможа. – Кондрат! Скоро ль ты там??

– Иду, иду, Ваше высокоблагородие, – прогудел заплечных дел мастер.

– Я не вру, я не вру!! – забился-заголосил Розинцев.

– Ну-ка давай наперво ему вот здесь оторви, – не обращая внимания на крики, произнес черный человек и указал пальцем, где именно.

Раскаленные докрасна раскрытые щипцы приблизились к груди Ивана – свой крик он услышал как бы со стороны, мир отдалился и померк.

Пришел в себя не сразу. Почему-то было мокро и холодно. Когда сознание окончательно прояснилось, он забыл и про холод, и про мокроту – он продолжал сидеть в пытошной в том же состоянии и в том же качестве, в каком его и покинуло сознание. С ужасом посмотрел на грудь – все было на месте.

– Что ж ты слабенький-то такой, – произнесли с укориз-

ной их высокоблагородие, – даже начать не начали еще, а уже в обморок, как барышня.

Ивану нечего было сказать, и он бессмысленно водил взглядом по допросной.

– А ну-ка родные, оставьте нас пошептаться с господином Розинцевым, – бросил он всем, кто был в подвале.

Поклонившись, палач и двое конвоиров растворились в темноте коридора, закрыв за собой дверь.

Какое-то время их высокоблагородие иронично разглядывал Ивана, что-то прикидывая. Потом встал, зачерпнул ковшом воду из бочки, подошел к нему и поднес к губам:

– Пей.

Иван судорожно сделал несколько больших глотков.

– Все дело чуть мне не испортил, подлец. Но хвалю, неплохо соображаешь, щучий сын, – и, откинув полы камзола, их высокоблагородие сели обратно в кресло.

Розинцев недоуменно воззрился на него.

– То, что я тебе сейчас расскажу, является строжайшей государственной тайной, понял?

Иван несколько раз кивнул.

– Запомни, если о том, что узнаешь сейчас и станет тебе ведомо потом, ты хоть полслова кому скажешь, то я лично попрошу Кондрата уважить меня и вытянуть из тебя все жилы по одной, он это хорошо умеет. Понял?

– Понял, Ваше высокоблагородие, – пролепетал Иван.

– Ну а коли понял, то слушай.

С этими словами он встал, отцепил веревку, которая удерживала руки Розинцева в поднятом положении, и они, полностью онемевшие, бухнулись на бедра. Иван с удивлением на них посмотрел – он уже и забыл об их существовании.

Вынув кинжал, незнакомец перерезал веревку, стягивающую запястья. Иван рефлексивно хотел потерять руки, но они не слушались. Тем временем их высокоблагородие продолжили.

– Конечно, неучтиво с моей стороны было не представиться, – он вновь сел на кресло. – Тайный советник при особых поручениях Ее Величества Императрицы, обер-секретарь Правительствующего сената, начальник Тайной экспедиции Степан Иванович Шешковский.

Иван выпучил глаза и рефлексивно попытался вскочить на ноги. Он много слышал об этом человеке и не всегда лестного, он знал, как боятся Тайную экспедицию, и в особенности ее шефа. И вот один из могущественных вельмож империи сидит перед ним.

– Служащий Розыскной экспедиции Санкт-Петербурга Иван Розинцев, – отчеканил он.

– Ну вот и познакомились, – растянул губы в улыбке Шешковский.

«Миленькое вышло знакомство», – мелькнуло в голове Ивана.

– Наслышан я о тебе, Розинцев, наслышан. Я ведь не только доносы и сплетни всякие собираю, но и людишек себе тол-

ковых присматриваю. Тут с полгода как доносят мне, что в ведомстве Николая Григорьевича Штерна появился молодой человек со светлой головой. Не чернила льет, а дела раскрывает, ищейкой все разнюхивает. Решил приглядеться к тебе, а тут вон как вышло. Сам дорожку мне перешел. Вот и решил не откладывать знакомство, – добродушно улыбнулся Шешковский.

Удивленный Иван не нашелся что ответить.

– Ну да полно светских учтивостей, время дорого. Будешь теперь служить у меня, покажешь себя хорошо – в люди выведу, начнешь дурить... – развел руками.

– Понял, Ваше высокоблагородие.

– А коли понял, то тогда сразу к делу. Если что в моем рассказе будет непонятно или какие вопросы появятся, не бойся, перебивай-спрашивай, сейчас не до манер. Уразумел?

– Точно так, Ваше высокоблагородие.

– Дело, значит, у нас такое выходит. Появился некий человек, который осмелился шантажировать саму императрицу, – поднял вверх указательный палец Шешковский.

У Ивана снова округлились глаза – возможно ли такое?

Выждав, пока сказанное уляжется в голове молодого человека, Шешковский продолжил:

– Да не просто угрожает, шельма, а даже неизвестным нам способом сумел одурманить ее каким-то зельем.

Иван, казалось, забыл как дышать от потрясения. Это как же можно! Это же заговор, переворот, бунт!

– Чтобы императрица вошла в разум... – тут обер-секретарь осекся, дернул щекой, внимательно посмотрел на уже бывшего сыщика и продолжил, – да ладно, чего уж там, про Кондрата поди не успел еще забыть?

Иван усердно помотал головой.

– Ну тогда расскажу как есть, чтобы у тебя понимание ситуации лучше было, – сказал и замолчал, задумавшись, как бы доходчивее все объяснить.

– Дело так вышло. Неделю тому назад на высочайшее имя поступило письмо, в котором неизвестный сообщил, что на царицу будет наведена порча, если ему через три дня не будет выплачена определенная сумма. Естественно, учинили сыск мерзавца, но в этот вздор особо не поверили – мало ли сумасбродов по земле-матушке ходит. А по прошествии трех дней... как бы тебе это лучше сказать... в общем, в императрицу как будто бес вселился, – здесь Шешковский перекрестился.

От Ивана не укрылось, как побелело лицо нового шефа и мелькнул испуг в глазах. И это у человека, который сам всех держит в изрядном страхе!

– В общем, побуянила немного матушка, да лекарю удалось ей дать снотворного, и она уснула, а татю этому отправлено сегодня в полночь денег столько, сколько запросил. В надежде, что снимет эту, как он говорит, порчу, будь она неладна, – досадливо стукнул кулаком по подлокотнику Шешковский.

Иван был удивлен – такая серьезная и страшная служба, как Тайная экспедиция, которая все про всех знает, у которой везде свои люди, и пошла на уступки какому-то шантажисту? Шешковский явно что-то недоговаривал.

– А самое каверзное то, что не могу я действовать как обычно, – досадуя, продолжал тот, – по-хорошему бы сволочить всех дворцовых сюда вот, – махнул небрежно рукой в сторону стен допросной, – уже давно бы выведал, кто отравы царице налил или кто надоумил налить, а после – всю Россию-матушку перевернули бы да сыскали мерзавца, – и он сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

«Да тут бы столько со страху наболтали, что пол-России пришлось бы ловить», – язвительно подумалось Ивану.

– Да нельзя, – продолжал его новый шеф, – хоть одного за глотку возьмешь, сразу слухи поползут. А слух он пострашнее правды бывает, такого народишко намелет-навыдумывает, что диву даешься, в уме ли люди.

С этим Иван был согласен. Поболтать народишко любит.

– И тать этот явно не дурак. А коли чего заподозрит – так противоядия не прийдет, ужас тогда что будет. Поэтому решили от греха за деньгами слежку не учинять, сделали все, как в инструкции было написано. Но придумали вот что: во-первых, в мешки засыпали новую монету, недавно отчеканенную, которая в ходу еще не была, пришлось, правда, ее мешать лопатами, чтобы царапины да изъяны появились, как будто уже давно ходит, во-вторых, побрызгали ее духами

Императрицы, разбавленными в воде, – человек не учует, а собака запросто, да не только саму монету, а человека, который эту монету держал или в кармане носил. Такие вот две ниточки запустили.

Несмотря на все потрясения, Иван был несколько польщен. Он почти угадал, зачем им велено было хватать всех людей, на кого будут лаять собаки.

– А душегуба зачем выдумали? – спросил он, продолжая свои мысли вслух. Сказал и перепугался, вдруг это что другое, о чем ему знать не надобно.

Брови Шешковского удивленно поднялись вверх.

– И до того додумался, шельма!

Иван сконфуженно зарделся.

– Видите ли, господин Розинцев, мы исходили из того, что вор этот может заподозрить неладное, когда про собак узнает. А так – объявился душегубец, жгет коренья-травы в обрядах своих, вот его по запаху и ищем. Опять же, страх народный все спишет, знать будут, что не просто так людей хватают – душегуба ищут.

– Понял, Ваше высокоблагородие.

– Ну так вот и пришлось самим да на скорую руку все придумывать-делать. А тут шеф твой некстати резвость проявил. А потом и ты глазастый. Что вам мужички из морга рассказали?

Иван несколько поколебался:

– Сказали, что приезжала карета Тайной экспедиции.

Шешковский кивнул:

– Как отреагировал на это Николай Григорьевич?

– Сказал про это дело забыть и носа в него не совать.

– Умный человек, – кивнул Шешковский, – а ты, стало быть, сунул.

Иван снова покраснел.

Шешковский хохотнул:

– Это свойственно русскому народу: ему говорят не пей из копытца, козленочком станешь – так нет, все одно напьется. Да, не все рассказал, – хлопнул себя по коленке шеф, – по городам разослали приказ сообщать немедленно о всех, кто начнет деньгами сорить, и о затворниках всяких. Подумали, что тот, кто зелье это выдумал, не рубаха-парень, должен жить затворно, к себе никого не пускать, самому ни с кем не дружиться, чтобы в гости не завалились. Опять же не пить – спьяну-то многое можно наболтать. Ну и приказал сволочить в Петропавловскую всех знахарей да колдунов в округе, да их кой о чем расспросить. Так что дел, Ваня, много! Сейчас тебя проводят в мой кабинет, отоспишься и со свежей головы будешь депеши просматривать и думать, как вора изловить.

Затем их высокоблагородие кликнул своих людей. Палачу велел освободить ногу Ивана, одному из людей приказал идти в карету, другому сопроводить Розинцева до его кабинета, накормить, и чтобы тот ни в чем не знал отказа.

Шешковский забрался в карету и, устало откинувшись на сиденье, закрыл глаза. Последние несколько дней были весьма напряженными, а ситуация в настоящем оставалась опасной и неясной. Он сейчас ехал на совет, состоящий из трех человек: Григория Орлова, фаворита императрицы, Панина Никиты Ивановича – президента коллегии иностранных дел, а заодно и негласного канцлера империи и его, шефа Тайной экспедиции, на которых сейчас лежало не только бремя ответственности за жизнь императрицы, но и собственно управление страной. Причем заподозри кто-нибудь неладное – их троих запросто могли обвинить в заговоре и узурпаторстве власти.

Он решил прокрутить в голове события последних дней, чтобы яснее понимать, что еще надобно сделать.

...Неделю назад он находился в своем кабинете, разбирая доносы на всякий люд, в основном на вельмож. Не брезговал доносами и на их прислугу. Прислуга-то она многое знает, да держит язык за зубами, ну а коли за тем человечком есть какой грешок – он тебе все расскажет, да еще и доносить на своего хозяина будет. Он тогда уже готовился отобедать, как в дверях появился его секретарь и доложил, что Ее Величество желают его видеть незамедлительно.

Когда он прибыл пред светлые очи, ему был протянут кожаный футляр с золотым тиснением и рубином посередине. В футляре находилось письмо следующего содержания:

«Я не стану отнимать у Вашего Величества много времени. Мое требование просто и банально – деньги. Внизу письма инструкции, куда и сколько доставить, но это для Ваших слуг, Вам же скажу следующее: я знаю, что, прочитав это письмо, Вы не станете торопиться отправлять деньги, так как Ваша просвещенность не даст поверить моим словам, а они такие – если через два дня я не получу 5000 импералов и 10000 серебряных рублей, то наведу на Вас порчу и никто Вам не сможет помочь. Сниму же порчу только взамен на деньги, и пусть слуги ваши не мешкают – через неделю порчу снять будет невозможно».

Тогда он, граф Орлов и царица (больше никого в письмо не посвятили) решили, что все-таки письмо это написал какой-то сумасброд или душевнобольной. На всякий случай императрица сходила в церковь, дворец обошли с молитвой и ладаном, негласная охрана дворца была утроена, своим людям Шешковский велел спешно тайно сволочить в застенки всех, о ком ходил даже маленький слухок, что он занимается оккультизмом или водит дружбу с нечистым, дабы дознаться, не кто-то ли из них написал эту крамолу. Не обошлось и без курьеза – арестовали одну бабу, на которую муж иногда покрикивал, что она ведьма.

Пока велось следствие – был неотлучно во дворце.

На третий день поутру он только-только успел облачиться в одежды и стоял рядом со столом, разглядывая безукоризненно белоснежные манжеты, как услышал, что кто-то несет-

ся по коридору, явно в сторону его кабинета. Это не сулило ничего хорошего, но огорчаться наперед шеф Тайной экспедиции не привык. Вскоре двери распахнулись, чуть не слетев с петель, и в кабинет влетел Григорий Орлов.

– Беда, Степан Иванович!! – с порога выкрикнул Орлов. Он был небрежно одет, растерян и напуган.

У графа внутри сделалось холодно. Орлов от природы был лишен страха, и если что-то смогло его напугать, то это что-то должно быть истинной жутью.

– Что случилось, Григорий Григорьевич? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Императрица не в себе!! Чуть до смерти не забила лакея канделябром! Насилу скрутил! И как будто не она это вовсе, глазищи черные, вся ощеренная, рычит, как медведь из берлоги! Что делать-то, Степан Иванович?!

Шешковский был в полном недоумении. Что значит «насилу скрутил»?!! Он в своем уме?? Решил уточнить:

– В каком смысле, граф, вы скрутили государыню?

– В прямом!! Да пока скручивал – она меня загрызть пыталась! Чистый зверь!

Шешковскому проще было поверить, что фаворит императрицы или допился до чертиков, или бредит.

– Да пойдем уже, чего тут стоять-то?! – крикнул Орлов, будучи как есть не в себе.

Кивнув, он молча и быстро направился с Орловым в покои императрицы. Проходя приемный кабинет, подал рукой знак своему секретарю, чтобы следовал за ними. По дороге спросил Орлова:

– Этот, как его там... лекарь, Роджерсон, еще состоит при императрице?

– А? – переспросил Орлов, находившейся в некоторой лихорадке. – Да, состоит, гнусный слизень.

– Отчего так?

– Да все они англичашки проходимцы и плуты! Кабы добром лечили – настоями, травами какими, а то все кровь норовят пустить! Да еще эта клистирная трубка умничать шибко любит. Давно бы ему зубы посчитал, да пинком с лестницы спустил, да Катрин слишком уж привечает его, – ревниво закончил Орлов.

Шешковский сделал жест рукой, и секретарь в момент образовался подле него:

– Слушаю, Ваше сиятельство!

– Лекаря Роджерсона к Ее Величеству живо!

Тот поклонился и посеменял вперед них.

– Стой! – окрикнул писаря и, подходя ближе, продолжил: – Сам-то не беги, да рожу нормальную сделай, а то перепужаешь тут всех! И Роджерсону этому скажи, мол, дело

спешное, мигрень у царицы, граф Орлов требует прибыть не мешкая. Понял, что ли?

– Понял, Ваше высокоблагородие!

– Ну тогда давай, пошел, пошел!!

Сами они тоже шли достаточно быстро. Шешковский хмуро на ходу осмотрел Олова, спросил:

– Ты сам-то из покоев матушки как вышел? Так же, как ко мне зашел?

– Что ты! Нет конечно. Наперед на башку лакею тяпки какие-то бросил, да сказал сидеть тихо, надеюсь, не кончится. Потом сколь смог себя одел, вышел тихо, сказал, что Ее Величество просит не беспокоить, и сразу до тебя, Степан Иванович.

– Это хорошо, не хватало нам придворных переполошить – позавтракать не успеем, как все перегрызутся!

– Это точно, – кивнул Орлов.

Быстро прошли приемную, от Шешковского не укрылся испуг и растерянность на лицах фрейлин и разных прихлебателей – оно и понятно, случись что с императрицей – и конец их сладкой жизни.

Вошли в покои. Слева к стене жался сухонький не первой молодости лакей, прижимая к голове окровавленную тряпку. Трясаясь, он всхлипывал и лопотал что-то невнятное. «Ладно, с этим потом разберемся», – пронеслось в голове Шешковского – его сейчас больше заботило состояние императрицы. Подошли к дверям будуара. Прислушались. За дверь-

ми было тихо. Переглянулись, побледневший Григорий прошептал:

– Жутко мне, кажется, сейчас двери откроем – и она бросится на нас!

Шешковский хотел было открыть двери, он все еще не очень-то верил Орлову – мало ли, решил подшутить над ним, но в этот момент из-за дверей раздалось глухое утробное рычание и скрип кровати. Он резко отпрянул от дверей и испуганно посмотрел на Орлова.

– Ну, что я тебе говорил! Чисто зверь!

– А ты хорошо ее связал-то?

Григорий пожал плечами:

– Думаешь, помню? Проснулся, слышу, рычит и скулит кто-то здесь вот, – он обвел комнату рукой и продолжил: – выбежал, а тут Катрин со всего маха его вон, – мотнул головой в сторону лакея, – канделябром лупцует. Я ей: «Катрин, в чем дело?», а она поворачивается – ну чисто оборотень, – Григорий перекрестился, – и замогильно так «А ты, значит, за беса заступничаешь?» и на меня кинулась. Пока крутил ее, все руки занемели – до чего сильная. Потом уволок в будуар, к кровати привязал, да к тебе. А уж крепко или нет, не помню – как в тумане все.

Было страшно, но тут уж бойся не бойся...

– На счет три, Гриша, распахиваем двери и за них прячемся. Коли выскочит, то с двух сторон кидаемся, если ты один ее скрутил, то вдвоем и подавно скрутим. Орлов кивнул, было видно, что уверенность возвращается к нему.

– Ну... раз, два, три!! – и они рывком распахнули створ-

ки дверей, прикрываясь ими. Никто не выпрыгнул, никто на них не набросился. Но как только звуки раскрываемых дверей затихли, из будуара послышался старушечий хриплый смех, а затем раздался шипящий голос:

– Ну пойдите, пойдите сюда, гости дорогие, привечу вас, как смогу.

Григорий снова побелел, а он покрылся холодным потом – лучше бы она кинулась на них!

– И долго вы намерены заставлять меня ждать? – снова прошипел будуар.

Переглянувшись между собой, они вышли из своих укрытий, смотря в пол и не решаясь поднять глаза на постель.

– Ааа, вот кто пожаловал, бесовский заступник! Кого привел?

Орлов поклонился:

– Матушка, какой же я бесовский заступник! Посмотри, Орлов Григорий я!

– ВРЕШЬ!! – прорычала кровать, и Шешковский, все еще не решившийся поднять глаза, услышал возню и сопение со стороны постели.

– Надо бы покрепче привязать, – негромко сказал Орлов. Поднял глаза. Заметив, что Шешковский смотрит, Екатерина прекратила попытки освободиться от пут и посмотрела на него бездонными колодцами глаз:

– А, ехидна!! По жизнь мою пришел, – ощерилась она, – ну попробуй, попробуй отобрать ее!

Сзади послышался негромкий щелчок закрывшейся двери. Шешковский обернулся – в покои императрицы зашел Роджерсон. Коротко бросил Орлову:

– Стереги ее, – и быстро пошел к лекарю, пока тот не увидит раньше времени лишнего. Сам закрыл створки дверей в будуар. Роджерсон выглядел встревоженным: во-первых, за ним обычно посылали лакеев, но никак не людей Шешковского, во-вторых, не мог не вызывать тревоги окровавленный лакей в покоях и уж тем более шеф Тайной экспедиции, самолично закрывающий двери.

– Чего-то случаться, господин Шешковский?

– Случаться, – невольно передразнил он и, мягко взяв под локоток, проводил до кофейного столика. Усевшись напротив лекаря, холодно посмотрел ему в глаза и произнес официальным тоном:

– Господин Роджерсон, я вынужден посвятить вас в государственную тайну и просить вашего содействия.

Роджерсон выпрямился в кресле, а затем встал. Он почувствовал неладное.

– Императрице нездоровится... воспаление рассудка, – пришлось придумывать на ходу.

В это время из будуара донеслось приглушенное рычание.

– Слышите? Сначала она беспричинно чуть не до смерти забила подсвечником лакея, потом кинулась на графа Орлова. Мы были вынуждены ее обездвигнуть, для ее же пользы.

– Вы опествижит Ея Императорская величество?? – ужас-

нулся доктор.

– Да! – рявкнул он и, быстро успокоившись, продолжил: – Коли поправится матушка-царица, ей и решать, казнить нас или миловать, а пока вот что... Для начала осмотрите ее на предмет диагноза, после чего дадите ей сильного снотворного.

– Зачем давать снотворный?

– Затем, что я так сказал!! – отрезал Шешковский, но подумав немного, доверительно соврал: – Мне как-то царица наша под большим секретом рассказала, что в юные годы у нее случались... припадки, и единственно, что ей помогает, это сон в течение нескольких дней. Это и есть государственная тайна. Вам все ясно?

– Точно так, господин Шэшковский.

– Ну вот и славно. А коли сболтнешь кому хоть полслова – поедешь в кандалах в Сибирь с отрезанным языком.

Бледный и трясущийся Роджерсон осмотрел императрицу, покачивая головой и бормоча себе что-то под нос, – делать записи Шешковский категорически запретил. После чего, не без применения силы, им удалось влить в августейшую особу каких-то успокоительных и снотворных микстур (Роджерсон при этом вышел из будуара, будучи не в состоянии творить насилие над августейшей особой, и занимался забытым лакеем).

Как только Екатерина затихла, состоялся короткий совет, на котором решили, что Орлов с Роджерсоном будут неот-

лучно находиться подле императрицы, а он, Шешковский, займется успокоением придворных, дабы не поползли опасные слухи. Уходя, наказал, чтобы Орлов к вечеру от имени императрицы велел позвать его на аудиенцию.

Однако в планы пришлось внести поправку. Он как раз обедал, когда слуга доложил о прибытии Панина.

Шешковский поморщился – кто-то уже успел донести! Если так и дальше пойдет, уже завтра весь Санкт-Петербург будет как растревоженный улей.

– Здравствуйте, Степан Иванович, – с любезным выражением лица произнес вошедший, когда Шешковский встал из-за стола и, улыбаясь, сделал приветственный жест руками, – а что это сегодня матушка велела никого не пускать к ней? Я вот с докладом о делах прибыл.

«Доподлинно ничего не знает», – определил Шешковский, но хитрить в данном случае было нельзя: во-первых, все равно узнает и обидится, что за нос водили, во-вторых, может и заговор заподозрить, в-третьих, человек он далеко не глупый, может что и дельного посоветовать, да и ответственность, поделенная на троих все меньше, чем на двоих. Сделал приглашающий жест присоединиться к трапезе, позвонил в колокольчик. В дверях появилась физиономия секретаря.

– Мигом приборы его сиятельству!

Физиономия исчезла.

– Да вот, Никита Иванович... нездоровится нашей матуш-

ке, – и, подняв глаза, размахисто перекрестился.

– Ох ты, – тоже перекрестился Панин, – и что же говорит лекарь Ее Величества?

– Роджерсон говорит о временном буйном помешательстве, – тихо произнес он.

При этих словах у Панина округлились глаза.

– Но дело тут куда как запутанней, – и он пересказал Панину события последних дней. – Такая вот история, Никита Иванович.

Панин в возбуждении стал ходить по зале, больше говоря с самим с собой. «Ах, шельмы!!», «всех на ноги подниму!!» – доносились до Шешковского обрывки восклицаний Панина.

Несколько успокоившись, тот вернулся к столу и спросил:

– И что думаешь делать?

– Думаю, что вам, Никита Иванович, надо бы бумагу в казначейство составить, мол, на содержание двора и прочая.

– А дальше что?

– Дальше... пока напишем, пока отсчитают, глядишь, день пройдет. К тому времени, может, матушке лучше сделается. А не сделается – тогда отдадим.

– А коли отдадим, а лучше не сделается?

Шешковский развел руками:

– Тут ведь как: если облапошат нас – то уж ладно, но денег-то мы не пожалели!

– А проследить не думал?

– Нет. Ни проследить, ни оцепить. Исхожу из того, что вор этот человек предусмотрительный, вряд ли он будет сам деньги забирать да перевозить. Даже кого и схватим если – он и знать-то путем ничего не будет, а татя этого разозлим.

Панин задумался. Было тут о чем подумать.

– Предлагаю эти деньги пометить каким-нибудь знаком, – предложил Шешковский.

– Зачем же помечать? – просветлел лицом Панин. – Недавно закончили чеканку очередной партии новых монет, но в оборот еще не пустили. Вот и вручим их сволоте этой, как начнет тратить – столько ниточек к нему потянется!

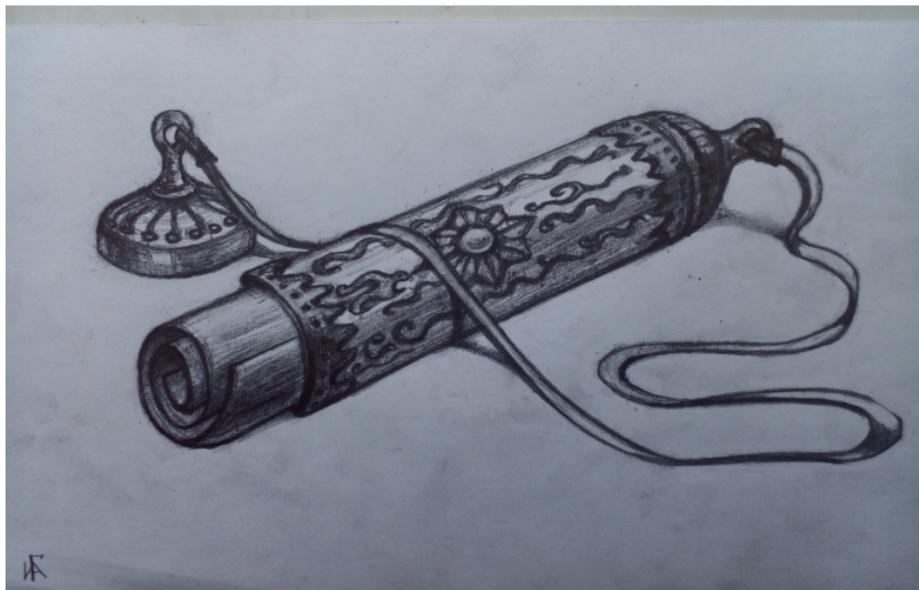
– Очень хорошо! – обрадовался он, какая-никакая, а все ж таки надежда! – И еще их чем-нибудь таким намазать, чтобы человек не учуял, а собака след взяла.

– Тоже годится, – одобрил Панин.

На том и порешили. Орлов тоже согласился и все порывался самолично выкупить здоровье императрицы, насилу отговорили.

Дальше все сделали, как было в инструкции написано – положили тюки с монетою на плот недалеко от Шлиссельбургской крепости, поставили на тот плот человека, чтобы не давал плоту прибиться к берегу и ровно в полночь пустили его по течению. Когда плот поравнялся с упавшей в воду ивой, человек прыгнул в воду и поплыл к берегу.

Охота началась...

И вот сейчас он ехал во дворец держать совет.

Прошел по пустым и гулким залам дворца. Было уже десять вечера, однако в его визите к императрице не было ничего необычного. Всем было известно, что она могла принять его в любое время.

В покоях за небольшим столиком уже сидели Панин и Орлов. Раскланялись. Шешковский сел на свободное кресло.

– Какие есть новости, Степан Иванович? – спросил Панин.

– Пока никаких. Людей и депеши разослал, будем ждать. Думаю, завтра-послезавтра начнут приходить доклады ото-

всюду. Как императрица?

– Спит, но сквозь сон говорит зло, «казнить», «бесы» и тому подобное, – ответил Орлов.

Вздохнули, перекрестились.

– Какие настроения во дворце и гвардии?

– Пока все хорошо, – сообщил Орлов, – придворных распирает от их «осведомленности» о состоянии императрицы, знай себе шушукаются, в гвардии спокойно – по случаю выкатил им несколько бочек вина от себя лично.

– Послы иностранные во дворец не суются, пишут письма во здравие, да отсылают своим дворам сплетни, – добавил Панин.

Повисла тишина. Никто не хотел говорить раньше времени о том, что станет, если царица так и не придет в себя. А станет для них все очень даже печально, размышлял начальник Тайной экспедиции Шешковский. В состоянии сна они могут поддержать ее еще день-два, дальше нельзя. Дальше уже начнутся подозрения в заговоре. И они втроем опомниться не успеют, как будут объявлены заговорщиками. Собственно, они и есть заговорщики и узурпаторы. Даже если гвардейцы примут их сторону, этого не хватит, чтобы удержаться – слишком многими благами обласкала Екатерина дворянство, чтобы оно не вмешалось в это дело. Но от мысли, что это существо будет сидеть на троне Государства Российского, Шешковского пробирали мурашки.

Однако время еще было. И была надежда, что тать этот

сдержит обещание.

– Надо бы от имени царицы бал какой-нибудь объявить, если сегодня-завтра Ее Величеству не получается, это даст нам возможность подольше не показывать ее двору, мол, готовится и создает интригу, – высказал свою идею Панин.

– А потом как покажем – так покажем, и маски не нужно, – нервно рассмеялся Орлов.

Шешковский неодобрительно покачал головой и поддержал идею Панина:

– Да, Никита Иванович, хорошая мысль – еще дня два на прыщике протянем, потом еще неделю на подготовке к маскараду. Ну а там, семь бед – один ответ.

Орлов посерьезнел.

– Не волнуйтесь, господа. Делайте свои дела и знайте, чудища на троне Российской Империи не будет.

Шешковский и Панин молча воззрились на него. Но никто ничего не сказал.

– Ладно, господа, откланяюсь, надо выспаться. Завтра и депеши поступать начнут, да глядишь, унюхают кого, действовать надобно быстро и на ясную голову, – поднялся Шешковский.

– Я тоже, пожалуй, пойду. Завтра несколько аудиенций послов, надо выглядеть как ни в чем не бывало, – тоже встал Панин.

– Признаться, я бы тоже куда-нибудь ушел, – встал Орлов. На том и откланялись.

В приемной им навстречу бросился какой-то человек.

– Господа! Честь имею представиться – барон Герштейн Петр Николаевич, помещик из Вятской губернии. Милости-вейше прошу оказать мне содействие в приеме Ее Величества!

Шешковский и Панин недоуменно переглянулись.

– Мне было еще позавчера назначено, да все не зовут!

– А вы разве не слышали, что Ее Величество недомога-ет? – холодно спросил Панин.

Барон немного покривился и, взяв его под локоть, дове-рительно зашептал:

– Все знают, что у Ее Величества вскочил какой-то пры-щик на носу, ну право слово, я согласен хоть с завязанны-ми глазами предстать пред ее светлейшим взором! Помогите, Никита Иванович, век помнить буду!

– Петр Николаевич, матушка раздражена, столько меро-приятий отменить из-за этой мелочи пришлось, а тут ты со своим прошением. Как бы в сердцах не отказала!

– Ох ты! А ведь не подумал я об этом... да, да, да, вы пра-вы Никита Иванович, подожду, сколько надо будет. Но вы уж не откажите, когда Ее величество в хорошее расположение войдет!

– Договорились, барон.

На том и распрощались.

Снова переглянулись – придуманный и разнесенный ими слух, о том, что у императрицы соскочил прыщ, и они при-

крывают это ее недомоганием, работал. Хотя во дворце шушукались, что у Екатерины с Орловым второе дыхание их романа.

– А не выпить ли нам по чарке-другой? – предложил Панин.

Шешковский удивленно воззрился на него:

– Вам же, Никита Иванович, с утра надо выглядеть как ни в чем не бывало?

Панин засмеялся:

– Ну так если я сейчас лягу спать и с утра буду как огурчик – это как раз таки будет из ряда вон! – и снова захохотал. Просмеявшись, продолжил:

– Честно говоря, кое-как высидел. Как там Орлов один остается – ума не приложу.

Шешковский представил себя на месте Орлова, и по спине побежали мурашки. Да уж. Но вслух сказал:

– Тогда едемте ко мне в присутствие. Там и вино найдется, а может, и депеша какая пришла.

Так и сделали.

Подъехали к службе, вышли из карет. Уже начало светать.

– Благодать-то какая, – протянул Панин шумно втягивая носом утреннюю прохладу, – воистину не ценишь то, что есть, пока гром не грянет.

– Ваша правда, Никита Иванович, ваша правда, – поддакнул Шешковский.

В строении напротив входа в присутствие раздался соба-

чий лай.

– Обученные? – кивнул в сторону собак Панин.

– Обученные, – подтвердил Шешковский и крикнул: – Николка! Николка, щучий сын, выходи!

Дверь строения отворилась, на пороге появился взъерошенный, заспанный мужик. Поклонился, ответил:

– Слушаю, Ваше высокоблагородие.

– Унюхали чего сегодня?

– Никак нет, Ваше высокоблагородие.

– Плохо ищите, поганцы!! Сегодня никого не найдете – готовьте спины под розги!

– Слушаю, Ваше высокоблагородие, – поклонился мужик.

– С этими псами только так, Никита Иванович, – взяв под руку и приглашая пройти к себе, сказал Шешковский, – хотя я не думаю, что даже послезавтра меченые деньги всплывут в столице. Но острастка нужна.

– Проверить бы надо, может, запаха-то уж и нету, – предложил посмурневший Панин.

– А это мы запросто. Я тем же раствором пометил часть моих монет, в сейфе лежат. Николка!!

– Слушаю, Ваше высокоблагородие.

– Ну-ка, возьми любую собаку наугад и с ней ко мне. Да живее, черт мохнатый!!

– Слушаю!

Поднялись в кабинет, в приемной спал на диванчике секретарь.

– Подъем! – рывкнул Шешковский.

Тот вскочил и вытянулся в струнку, толком еще ничего не понимая.

– Депеши из провинции приходили?

– Никак нет, Ваше высокоблагородие!

– Ладно, мигом нам с их сиятельством сообрази завтрак!

– Сей момент, Ваше высокоблагородие! – и уже полностью очнувшись, распахнул перед гостями двери кабинета.

Проходя обитые сукном и кожей двери, раздвигая двойные шторы, Панин заметил:

– У тебя тут, Степан Иванович, прям как у султана какого.

– А-а, – протянул тот в ответ, – очень хорошо скрадывают звуки. Сам знаешь, Никита Иванович, иной раз и секретарю чего лишнего знать не надобно.

– Это да, – вздохнул тот, поминая сложившуюся ситуацию.

Расселись. Шешковский скинул туфли, блаженно стал двигать пальцами ног. Панин стянул парик и стянул с себя галстук. Над входной дверью зазвонил колокольчик. Шешковский в ответ потянул шнурок, висящий у стены. Шторы раздвинулись, появилась голова секретаря:

– Ваше высокоблагородие, тут Николка с собакой притащился, говорит, вы приказали.

– Приказал, погоди-ка, братец, минутку здесь.

Секретарь вышел из-за штор и вытянулся в струнку.

Шешковский прошел к сейфу, слегка приоткрыл дверцу.

– Теперь пусть пушает собаку, а ты, стало быть, вон выйди и дверь закрой.

– Слушаю!

Шторы колыхнулись за вышедшим, потом в них проскочил спаниель, приглушенно хлопнула дверь.

Собака, шумно сопя, пошла к ним, нюхая воздух. Немного покрутила головой, потом приблизилась к Панину, встала передними лапами на стул, понюхала карман его платья и звонко залаяла.

– Да иди ты, дура! – раздраженно крикнул он и хлопнул псине по морде. – Совсем ошалел пес! Ну, Степан Иванович, наловишь ты с ними татей! – раздраженно бросил он Шешковскому.

Тот и сам был удивлен и зол, экий конфуз! Отскочившая собака продолжала тявкать на Панина.

– Ну, шавка блохастая, я покажу тебе, как на меня тявкать, – рыкнул тот, встал и вытащил из ножен шпагу.

– Да погоди ты, Никита Иванович! Еще кровящи мне тут не хватало, – поднялся Шешковский.

Панин стал слегка, как прутом, постукивать по спаниелю шпагой, гоня его к дверям.

Шешковский подергал за шнурок и рывкнул появившемуся секретарю:

– А ну убери эту тварь с глаз долой!!

Тот проворно схватил собаку и исчез.

– Ну, господин Шешковский, не думал я, что у тебя меня

облают с ног до головы! – бросил оскорбленный Панин.

– Ну прости, прости, Никита Иванович! Как позавтракаем, устроим смотр всем псам и псарям! Не дай бог не унюхают – запорю!!

В другой бы раз Панин не принял таких извинений, но сейчас был не тот случай.

– Да уж, надобно бы устроить. Дело-то государственных масштабов ведем, а тут на тебе.

Шешковский на это ничего не ответил, прищурился, спросил:

– А что у тебя в кармане-то? Хоть знать, чего унюхала.

Панин недоуменно воззрился на него, полез в карман, достал руку. На ладони у него лежал запечатанный сургучом небольшой пузырек темного стекла с жидкостью.

– Это что это? – спросил Шешковский.

– А леший его знает! – недоуменно ответил Панин.

– Дай-ка посмотрю, – протянул руку.

– Вспомнил! – смущенно улыбнулся тот. – Это мне доктор мой капли от желудка с утра положил, совсем запамятовал! – ответил Панин и засунул бутылек обратно в карман.

– И сургучом залил? – поинтересовался Шешковский.

– Ну так все от рвения – мало ли, прольется, – ответил тот, делая невольный шаг назад.

– Значит, не дашь посмотреть, – чуть отошел от стола Шешковский.

– Неужто ты мне, Степан Иванович, досмотр решил учи-

нить?! – вызываяще спросил Панин.

– Да что ты, что ты! – махнул рукой Шешковский. – Как можно! А знаешь что, Никита Иванович, пойдем-ка прямо сейчас собакам смотр устроим, чего тянуть?

– Своим псам устраивай смотр сам! А я, пожалуй, позавтракаю у себя!

Шешковский, чувствуя внезапную удачу, вынул из ножен шпагу:

– Да полноте, граф, нехорошо уходить, не угостившись!

Тот поднял шпагу и принял стойку.

Шешковский сделал несколько быстрых разминочных движений и тоже принял стойку. Глаза их встретились.

– Неужто, Никита Иванович, кого на трон присмотрел? – крадучись, спросил Шешковский.

– Ты вроде не пил с утра, Степан Иванович, – ответил тот, мягко перебирая ногами.

Шпаги скрестились. С обеих сторон было сделано несколько осторожных выпадов и парирований. Затем за дело взялись серьезно. Шешковский считал себя неплохим фехтовальщиком, но Панин оказался не менее искусным противником.

Когда они, что называется, вошли во вкус, открылась дверь его кабинета, в котором он иногда ночевал. В проеме появился недоумевающий мальчишка, Шешковский за делами совсем забыл про него. Но помощник, а заодно и свидетель, был как нельзя кстати. Крикнул:

– Розинцев, хватай шпагу и помоги мне!

Но тот совершенно неожиданно швырнул в него стулом и сразу же накинудся, вцепившись в шею, повалил на пол. Панин выбил пинком из его руки шпагу. Шешковский был ошарашен. Неужто Розинцев – человек Панина?!

Тут он услышал глухой удар, и обмякший юнец повалился на него.

– Вставай, Степан Иванович, полно нам, как мальчишкам, шпагами-то махать, – произнес Панин, помогая ему подняться.

– Давай присядем да потолкуем с разумением. Кстати, кто это? – указал он на Розинцева.

– Следователь Розыскного приказа, вчера вечером на службу к себе взял и вот тебе благодарность. Не твой человек-то?

Панин пожал плечами:

– Первый раз вижу. Стукнул на всякий случай.

Вернулись на свои места, сели.

– Так, значит, в заговоре меня заподозрил? – хохотнул Панин. – Стал бы я такой огород городить. Да и не полез бы к вам с Орловым в подельники, а сразу бы объявил вас заговорщиками. Прямо в покои гвардейцев и проводил: смотрите, молодцы, что с вашей царицей сделали!

– Разумно, – констатировал Шешковский, – а бутылек откуда?

– Да бес его знает! Подкинул кто-то. Может, дворецкий.

Хотя нет, я когда во дворец ехал, в карман за платком лазил, не было бутыля.

– Слушай, а во дворце, в покоях к нам барон подходил, как его там, Герштейн. Ты знаешь его?

– Слышать слышал, но воочию не приходилось видеть. Думаешь, он подсунул?! Надо незамедлительно во дворец гонца послать, чтобы повязали голубчика, – Панин вскочил на ноги от возбуждения.

– Садись, Никита Иванович, садись, – Шешковский махнул рукой на кресло, – от того, поди, уже и след простыл, не дурак же он совсем, а дворцовых переполошим.

Тот со вздохом сел.

– Ничего, шельма, не боится! Ну попадетса он мне, лично из него душу выну, – потряс Панин кулаками.

– Да тут скоро уже очередь из желающих выстроится, – хмыкнул Шешковский. – Слушай, – повернулся он к собеседнику, – а пошарь-ка по карманам, может, еще чего подбросили?

Панин поднял брови, но запустил руки в карманы камзола. Сначала достал злополучный пузырек, затем запечатанное письмо.

– Адресовано вам, – недоуменно изрек Панин и протянул конверт.

Шешковский взял, внимательно осмотрел, сломал печать. Панин подошел к нему и склонился над столом. Прочитали.

«Господин Шешковский. Деньги я получил, соблюдая усло-

вия договора, направляю Вам противоядие. Известному Вам лицу необходимо полностью его выпить».

– Уфф, – выдохнул Панин, – пронесло! Ну сейчас-то мы Россию-матушку вверх дном перевернем!! Словим поганца, никуда не денется!!

Шешковский молча покивал головой. Потянул за шнурок. Появился секретарь.

– Живо кареты его сиятельства и мою подать! И воды принеси холодной, – он глазами указал на лежащего Розинцева.

Вскоре секретарь вернулся и вылил на лежащего кувшин воды. Тот застонал, зашевелился.

– Подтащи-ка его сюда.

Когда глаза незадачливого подчиненного сделались более-менее осмысленными, поводитил перед ними рукой. Взгляд Розинцева сфокусировался.

– Ты с чего это, голуба, на меня кинуться-то вздумал?

Глаза округлились от удивления.

– Ты помнишь, кто я?

– Повелитель язычников и инквизитор!! – выпалил паренек.

Влепил звучную пощечину. Еще одну.

– А сейчас?

– Ой. Никита Иванович Шешковский, тайный советник при особых поручениях Ее Величества императрицы, оберсекретарь Правительствующего сената, начальник Тайной экспедиции, – отгарабанил тот.

– Вот, уже хорошо! Так пошто ты на меня кинулся-то, пас-

кудник??

– Я?!

– Ладно, – махнул рукой Шешковский, – после.

Затем дал распоряжение секретарю, показывая на Ивана:

– Привести в порядок, накормить, и пусть приступает к делу.

– Будет сделано!

С тем и отбыли.

Во дворце коротко рассказали все Орлову, опустив подробности со шпагами и мальцом.

– Сколько еще Ее Величество будут спать? Что Роджерсон говорит? – спросил Шешковский у Орлова.

– Даем снотворное утром, к вечеру и ночью. Значит, если сейчас не дать, то после обеда, а к вечеру точно, должна проснуться.

– Хорошо. Ну, с Богом, что ли, – достал пузырек.

– Подожди, Степан Иванович, – остановил его Панин, – а вдруг отрава это?? Совсем ведь не подумали!

Повисла тишина.

– Дай мне, – протянул руку Орлов, – яд не яд, тут уж не угадаешь. Если что, я за все и отвечу.

Шешковский отдал снадобье.

Приподняли голову, вставили воронку и аккуратно дали выпить все содержимое флакона.

– Ну, теперь только ждать, – вздохнул Панин.

– Нам бы выспаться не мешало, – произнес Шешковский.

– Это да, – согласился Панин, – пройдемте, найдем где прилечь, я, пожалуй, отменю на сегодня все приемы.

Не особо церемонничая, расположились в покоях – не до манер. Пусть все думают, что идет подготовка к балу. Во второй половине дня их растолкал Орлов. Приложив палец к губам, прошептал:

– Кажется, просыпается.

– Григорий Григорьевич, иди тогда к ней, а мы тут будем. А там уж как Бог даст!

Стояли у дверей, прислушивались. Бледный Роджерсон стоял позади. Через какое-то время стали раздаваться приглушенные голоса императрицы и Орлова.

– Ну, Никита Иванович, кажись, пронесло!

– Подожди радоваться, Петр Иванович, неизвестно еще, как сложится. В опалу бы не попасть.

В спальне послышались шаги. Вельможи отошли от дверей, вытянулись в струнку. Двери открылись, и Орлов торжественно произнес:

– Господа, императрица просит вас!

Зашли с опаской, поклонились.

– Рады видеть вас, Ваше Величество, в добром здравии, – просиял Панин.

Вновь поклонились.

Лицо Екатерины сильно осунулось, под глазами залегли тени, но взгляд был живой, прежний.

– Благодарю вас, господа, но не могу сказать, что здравие

мое доброе. Мне Григорий сказал, что я двое суток была в беспамятстве. Господин Роджерсон, что вы можете сказать?

– О! Ваше императорское феличчестфо, у вас быть умственное переутомление и сильный жар. Вы метаться в бреду. Однако сейчас фсе уже позади! – выложил заученную фразу Роджерсон и поклонился.

– Нам даже пришлось привязать тебя к кровати – так и норовила себя поцарапать, – непринужденно вставил Орлов.

Екатерина осмотрела свои запястья в синяках.

– Мне действительно мерещились кошмары – постоянно демоны приходили, а еще мерзопакостный гном!! – императрица побледнела.

– Что вы, Ваше Величество, что вы, – кинулись к ней, – все уже позади!

Дали выпить вина.

– Подождите, – продолжила Екатерина, – а что с проклятьем?

Ойкнув, по-детски прикрыла рот.

– Так ведь это получается, все так и вышло, как в письме том сказано было?! – приподнялась она с подушек.

Пришлось ей все обстоятельно рассказать.

Выслушав, она неожиданно ловко встала с постели, немного отойдя от нее, резко развернулась, и они снова увидели воплощение зла, с черными глазами-колодцами, которое произнесло низким хрипящим голосом:

– Найти мне этого шутника!!! Я его на части рвать буду! –

глаза закатились, и она упала без чувств. Следом упал Роджерсон.

Императрицу положили на кровать, Роджерсону вlepили пару оплеух, переглянулись.

– Может, еще не полностью подействовало? – предположил Панин.

– Может, – согласился Орлов – а может, рассудок все ж таки повредился частью, – мрачно закончил он.

Шешковский потер подбородок:

– Ладно, господа, так или иначе нам надо этого татя сыскаать. Ты, Григорий Григорьевич, присматривай за матушкой, организацией бала да спокойствием в гвардии. Слухи всякие собирай. Ты, Никита Иванович, уж как есть за государством смотри, ну а я землю рыть буду, – говоря все это, он неотрывно смотрел на императрицу. Эх, как-то оно еще сложится в будущем.

Приехал на службу и быстрым шагом проследовал в свой кабинет, где в его личных покоях должен был шевелить мозгами этот негодяй Розинцев. При воспоминании о мальчишке у шефа Тайной экспедиции заныло ушибленное плечо.

По Розинцеву было видно, что день он провел в бодрствовании. В комнате висел густой запах кофе. Поступившие депеши были разложены аккуратными кучками, часть из которых находилась даже на полу.

– Здравия желаю, Ваше высокоблагородие!

– Ты почто, подлец, в государственного мужа табуреткой

запустил?! Отвечай, сукин сын!!!

Лицо Розинцева недоуменно вытянулось:

– Не понимаю вас.

– А где ты прошлым вечером был, помнишь?!

– Я помню, как за моргом следил, потом мне надели на голову мешок, и потом я проснулся здесь и начал разбирать депеши.

Шешковский внимательно посмотрел на помощника, пребывающего явно не в себе, махнул рукой:

– Ладно, выкладывай, что нашел.

– Несколько ниточек ведут к поместью баронессы Прискорн.

– Что за ниточки?

– Разрешите по порядку?

– Да уж давай по порядку, по форме, только не тяни!

– Виноват! Ну так вот, некоторые, казалось бы, разрозненные события имеют одну природу и сходятся к одной точке.

Шешковский устроился поудобнее и приготовился слушать.

– Меня на мысль навела одна байка, которую прислали из деревни Шпаньково, что стоит на дороге в Кингисепп. В том районе с год шайка душегубцев лютовала – мало того, что грабила всех без разбору – никого живым не отпускала. Ловили их долго и засады всякие учиняли, а тем все нипочем. Все ловушки наперед чувствовали. А этой зимой по дороге той иноземец один ехал, а с ним только слуга его да кучер.

Хозяин постоянного двора говорит, упреждал того одному не ехать, дожждаться обоза какого с охраной, да только тот не послушал и уехал. Больше его и не видели.

– Ну и что с того?

– Убитых кучера и слугу на дороге нашли, а иноземец тот так и не сыскался. Но и о шайке с той поры больше не слыхивали, однако же говорят, что на той дороге волки стали на людей нападать стаей. Раньше-то лошадей повалят и довольно, а тут прямо до людей рвутся. Так вот говорят, что человек тот – колдун, обратил шайку в волков, и теперь у них за вожака. Да и трактирщик говорит, что как есть колдун – весь в черном, лицо злое, а как глянет – мурашки по коже.

– Что-то волки в последнее время распоясались – задумчиво протянул Шешковский – В Европе вон Жеводанский зверь, лет пяток назад кучу народа загрыз, потом у нас волк под Красным Селом завелся. Тоже до людей охоч. Уж сколько раз на него облавы устраивали – ни в какую! И флажки ему не помеха, и собаки выследить не могут! Объявлена награда в десять червонцев золотом, да все без толку. Если какие охотники и появлялись, то либо приходили ни с чем, либо не возвращались.

– Да, о нем тоже пишут, мол, оборотень по лесам бродит – как только охотники его прижимают, обращается в человека и уходит как ни в чем не бывало. Но это к делу не относится, поэтому не стал докладывать.

Шешковский кивнул:

– Хорошо. Дальше что?

– Так вот, у меня перед глазами всплыл тот человек, которого смотритель мертвецкой описал, пусть он и в маске был, и то обстоятельство, что с зимы он не появлялся. Тут я вспомнил, было у нас прошлой зимой дело – один лекарь спалил дом, заперев в нем прислугу. За ним погоню отрядили и вот у деревни этой нашли карету разбитую, опознали убитых его слугу и кучера. Поскольку тела доктора этого не нашли – посчитали его убитым и дело закрыли.

– М-да, – протянул Шешковский, – умеют у нас в России-матушке дела шить!

– Но это еще не все. Месяца за два до этого на него поступала жалоба, больно часто начали у него слуги помирать, о чем поступил донос мещанина Крыленко. Ну наши к нему для порядку наведались, но никаких вин за ним не нашлось. Оказалось, что он набирает себе в услужение сырых и безнадежно больных, коих и лечит, но, естественно, не всех удается вылечить, вот и мрут. На том и успокоились.

– А при чем здесь баронесса?

– Дело в том, что про нее циркулируют слухи, что она ради вечной молодости отдает нечистой силе живых людей, одного человека за один год жизни. При этом от жадности своей шельмует – подсовывает ей хворых да убогих, которых специально свозит в деревню под названием Дно, рядом с деревней есть озеро, прозванное проклятым. Каждый, кто там утонет, превращается в вурдалака и в полнолуние из него вы-

лезает. Походят неделю по земле – и в озеро, снова полнолуния дожидаться. А зимой пытаются проломить лед от чего он сильно трещит.

– Чего только людишки не придумают от темноты своей беспробудной, – поморщился шеф.

– Это да. Но если отбросить все надуманное, то получается следующее. Некий лекарь, который собирал у себя больных людей и изучал покойников, сжигает дом и уезжает. В районе поместья Прискорн он подвергается нападению и исчезает. В этом поместье есть деревня, в которую свозят больных и убогих, которые, естественно, в большом количестве умирают. Сама баронесса до такого додуматься вряд ли могла, зачем ей это? Думаю, доктор этот обосновался у нее и пообещал эликсир вечной жизни, чтобы она ему потакала и не мешала. А сам проводит опыты над людьми. Может, кто из прислуги что подслушал или подсмотрел, что и породило эти слухи.

– Ну а что, ниточка не ниточка, но какая-никакая соломинка. Надо подумать, как поделикатнее к этому делу подступиться... Это тебе не холопа какого в застенок волочь. Тут скандал выйти может.

– Я, кстати, Ваша светлость, категорический противник пыток, считаю, что так любой в чем хочешь сознается.

– А как же иначе-то? Кто же просто так на себя покажет? – отвлеченно ответил Шешковский, думая о неожиданном повороте дела.

– А надо бы так дело подвести, чтобы все на преступника показывало. Чтобы тому даже и сознаваться не нужно было – и так все ясно.

– Э-э, молодой человек, эдак ты пока одному вору доказывать будешь, что он вор, другим татам раздолье выйдет. А тут раз, два и готово. Ну да будет, не о том сейчас речь. Ты знаешь, что у баронессы Прискорн дочь является фрейлиной Ее Величества? Смекаешь?

– Смекаю, Ваша светлость!

– Хорошо бы эту фрейлину примерно допросить. Но может и конфуз выйти.

Шешковскому вспомнились последние слова царицы, и его передернуло.

– Разрешите высказать идею, Ваше высокоблагородие?

– Говори, чего уж там.

– Предлагаю маскарадным образом наведаться в то имение. К примеру, прикинуться художником, который пишет этюды о русской провинции. Я могу сам съездить!

Шеф посмотрел на него оценивающе-скептически.

– А вы, молодой человек, и рисовать умеете?

Иван открыл было рот, но Шешковский махнул рукой:

– Даже если и умеете – вернее всего, вас оттуда взашей проводят, а коли сунетесь куда не надо, то найдут на дороге загрызенным теми же волками. А найдут непременно, дабы никто сыск учинять не стал.

– Так, может, его и учинить?! – полыхнул новой идеей Ро-

зинцев. – Где-нибудь рядом с ее помещьем был устроен подложный языческий обряд?

Шешковский нахмурил лоб:

– У села Никольского устроили. Доносят, что народ в страхе, по углам шепчется, еще больше себя в страх вгоняет.

– Вот! Самое время слугам Ее Величества нагрнуть да бесовщину вытравить! Снарядим отряд по их поиску, заедем для виду в пару деревень и к ней. Ну а там уж как получится. Что-нибудь да узнаем.

– Ну а что, мысль хорошая. Даже если его там не окажется, обиды на нас у баронессы не будет – ее никто ни в чем не обвиняет, действовать будем именем Ее Величества, отказать в содействии никто не посмеет.

Иван залился румянцем от своей сообразительности.

– И сделаем мы вот как, – произнес Шешковский, поднимаясь.

Поручик Петр Опричник, полеживая на тюфяке и лениво поигрывая метательным ножом, наблюдал за своими солдатами, отработывавшими различные приемы боя. Его подразделение находилось в прямом подчинении графа Панина – действительного тайного советника 1-го класса, главы внешнеполитического ведомства и выполняло разные деликатные поручения на благо Ее Величества и России. По

крайней мере, так официально считалось. Никто о том не знал, по спискам они проходили как караульные. Собственно, никто кроме Панина не знал, откуда взялся и сам Опричников – молодой человек со взглядом бездны.

Вскоре его ухо уловило топот копыт, по которому было понятно, что скачет гонец, стало быть, вскоре вновь придется послужить России-матушке. Поднялся, потянулся, крикнул:

– А ну кончай, ребята! По хозяйству давайте.

Гонцу незачем было видеть, чем тут они занимаются.

Подлетел гонец, отсалютовал:

– Ваше благородие, господин граф ожидает вас незамедлительно. Форма одежды – парадная.

С тем и ускакал.

Парадная так парадная, молодому человеку это было все равно. Люди делают из одежды показатель своей успешности и значимости в этом мире, но Опричников смотрел на них глазами мира другого. А тот, другой мир, даже телесную-то оболочку человека не замечает, без надобности она ему.

Вскорости был у дверей кабинета своего шефа, человека отчасти беспечного, но с чуйкой, которую ни ум, ни опыт не заменят. Собственно, поэтому он ему и служил: граф – один из вершителей судеб, а Петр был человеком, без которого эти судьбы вершить было бы куда как труднее.

– Граф ждет вас, сударь. Проходите, – указал на дверь секретарь, малой души, небольшой хитрости, но большого са-

момнения человек.

Вошел, откозырял. Люди большое внимание уделяют различным условностям, они ему не мешали, было даже интересно поразмышлять на эту тему на досуге.

– Здравствуйте, господин Опричников. Сейчас едем во дворец, есть для вас одно поручение, но императрица хочет лично на вас посмотреть. Надеюсь, не ударите в грязь лицом.

– Не ударю, Ваше сиятельство.

Граф кивнул. Сегодня он был особенно сосредоточен. И где-то даже не уверен в себе. Раньше такого в графе Петр не замечал. Значит, действительно, что-то серьезное намечалось.

Ехали молча. Когда шли к кабинету Ее Величества, молодой человек с любопытством смотрел на дворцовых людей – лакеев, придворных, кавалеров. По большей части они оказались ему неинтересны, поскольку были очень похожи на секретаря Панина. За исключением, естественно, женщин. Это совсем другие создания.

В приемной помимо лакеев находилось двое – немолодой, но крепкий старик с загнанной душой – так Петр видел людей, которые в жизни руководствовались только разумом. Или разум руководил ими. Второй, хоть и ровесник Петру, но смотрелся совсем юношей. Он светился перламутром (о эти юношеские чистые помыслы!), но перламутр был пронзен лучом стального цвета – явный признак дара видеть во всем главное. Таких редко встретишь.

– Господа, что же так долго, – поднялся с табуретки пожилой, – матушка ждет!

Подав знак лакеям. Те распахнули дверцы. Первыми вошли старикан и шеф, молодые люди проследовали за ними.

Встали навытяжку. Шеф наклонился к императрице и вполголоса произнес:

– Это молодые люди, Ваше Величество, о которых я говорил, вот этот, – показал рукой в сторону юнца, – Иван Розинцев, следовательно, а вот этот, – показал на него, – этот известен Вашему Величеству по некоторым делам, – многозначительно закончил Панин.

При этих словах, надо полагать фаворит императрицы, граф Орлов заиграл разными тонами. Как северное сияние. Он был вообще колоритной личностью и очень спонтанной. Сейчас он полыхал обидой.

Императрица встала с кресла, неспешно, разглядывая молодцов-удальцов, подошла к ним. Юнец справа, Розинцев, доселе отчаянно волнующийся, покрылся красными пятнами. Остановившись в полушаге, она внимательно его рассмотрела. Повернулась к вельможам:

– А не молод ли?

Розинцев вспыхнул пуще прежнего.

– Умом остер, Ваше Величество, – надтреснутым голосом сообщил старикан, – а что молод, так это нам на руку, никто его всерьез воспринимать не станет.

Императрица повернулась обратно, еще раз осмотрела

юнца, уголки ее губ тронула легкая печальная улыбка. Встала напротив Петра.

– Так вот ты какой, мой Иван-царевич, – произнесла она с улыбкой и уже громче Панину: —Никита Иванович, не обижаете ли вы сего молодого человека наградами за верную службу?

– Что вы, Ваше Величество! Исправно получает и деньгами не обижен!

– Ну хорошо, – она вновь окинула Петра приятным взглядом, в котором он на одно мгновение увидел бездонную черную пропасть. «Наверное, за всеми правителями сего Мира стоит сам фатум», – подумалось ему. Орлов при этом уже полыхал огнем ревности. В целом компания подобралась очень интересная с его точки зрения. Тем временем императрица элегантно опустилась в кресло.

– Господа, вам надлежит выполнить одно деликатное поручение. Есть подозрение, что в имении госпожи Прискорн укрывается весьма опасный государственный преступник. Но это не наверняка. Его поиски не должны оскорбить баронессу и, тем более, бросить на нее тень – это известная фамилия и ее дочь является одной из моих фрейлин. Вам это понятно?

– Так точно! – отчеканил Петр.

– Да, Ваше Величество, – просипел сосед справа.

– Хорошо. Вы поедете в ее поместье под видом розыска язычников, осквернивших нашу веру, – тут она повернулась

к старикану, и на мгновение взгляд ее сделался укоризненным, старик извинительно развел руками.

– Соответственно, вам, господин следователь, надлежит доподлинно выяснить, там ли укрывается преступник, а вам, господин Опричников, этого преступника надлежит схватить и доставить в Санкт-Петербург, – при этих словах ее глаза полыхнули яростью, которую в столь женственной организации души предполагать не приходилось. Даже голос ее стал глухим и грубым, на это же самое мгновение Петр увидел, как ее персиковый цвет почернел.

Царица тем временем продолжила:

– Но учтите, что этот преступник может обладать бесчеловечной злобностью и силой. Он очень умен, и у него могут быть помощники, не меньшей силы и злобы.

Петр по-уставному кивнул.

Царица порывисто встала и подошла вплотную к нему:

– Я повторю. Вы ловите не человека, а демона. Коль поймаете – скрутите по рукам и ногам. Коль не будет получаться – убейте и доставьте сюда его голову. Помните, если он уйдет от вас – я подвергнусь смертельной опасности.

При этих словах Петр уловил волну ужаса, исходившую от императрицы. Причем она боялась не совсем за свою жизнь. Екатерина перекрестила обоих, касаясь их пальцами:

– С Богом!

Поклонились, вышли. Вельможи остались в кабинете.

...Ивана потряхивало – виданное ли дело, был удостоен аудиенции Ее Императорского Величества! Да не просто удостоен, но и благословлен! От избытка чувств кровь шумела в голове, сердце учащенно билось. Успокоившись через какое-то время, он почувствовал, что находится под прицелом ироничных глаз. Смотрел на него молодой человек, который пришел с Паниным и с которым их не успели представить друг другу.

Подошел, с кивком представился:

– Иван Розинцев.

– А по батюшке как же?

– Михайлович. Иван Михайлович Розинцев.

– Опричников, – протянул руку молодой человек, – Опричников Петр Николаевич.

Представившийся был одного роста с ним, похоже, что и по возрасту они были ровесниками, только тот выглядел постарше, в уголках рта просматривались жесткие морщинки, само лицо, казалось, не знало мимики, а в светло-голубых глазах плескалось холодное пламя.

Раскрылись двери царственных покоев, вышли Панин с Шешковским.

– В общем так, соколики, – начал Шешковский, – сейчас ты, Иван, едешь в хозяйство вот этого молодого человека, – указал пальцем на Опричникова, – там недолго собираетесь и, благословясь, отбываете. По пути шибко не задерживайтесь, форсу в попутных имениях поддайте и к Прискорн. Ясно,

что ли?

– Так точно, Ваше высокоблагородие!

– Старшим по розыску будет Розинцев, – продолжил уже Панин, – до той поры, как доподлинно не установите та-
тя. А как установите, командование полностью переходит к
Опричникову. Понятно?

– Слушаем, Ваша светлость.

– И еще. С вами поедет старец один, Варлаам, слышали
про такого?

– Никак нет!

– М-да... – обернулся к Шешковскому. — Молодым до
Бога далеко, кажется, – и потом уже молодым людям: – Ну
так вот, отец Варлаам – очень почитаемый среди верующих
человек, почти святым его считают. Его задача народ от стра-
ха оберечь, от бесовщины всякой отвратить. Вести себя при
нем прилично, языками не острить, коли назидать вам будет,
так смиренно принимайте. И без дерзости чтобы! Не хватало
еще за вас перед архиепископом Санкт-Петербургским крас-
неть. Это он его направил. Все ли уяснили?

– Так точно!

– Ну тогда все, ступайте. И если какие сомнения будут,
немедля пишите! И, господин Опричников – чтобы ни один
волос не упал с головы господина Розинцева.

Отдали честь, вышли.

– Прямо крестовый поход, – изрек Опричников, когда они
спускались по ступенькам дворца.

Иван не разделил его иронии. Видано ли, чье внимание уделено этому делу! Им уделено! Тут бы надо думать, как все ладно справиться, а не ерничать.

– Не обижайтесь на мое легкомыслие, Иван Михайлович, – обратился к нему Опричник, – оно и понятно, все сейчас на вас складывается. Вам надо его отыскать, мне пока дел нет. Но постараюсь быть полезен и на этом этапе. А батюшка меня повергает в уныние. Любят они молодых умразуму поучить.

Иван несколько смутился – от пронизательности напарника и от его богохульства. Однако же вступать в полемику не стал, поблагодарил за предложенную помощь.

– Что мне нужно знать при поимке сего татя? – спросил он, когда карета выехала из дворцовых ворот.

– А вам не сообщили подробностей дела? – удивился Розинцев.

– Нет. До высочайшей аудиенции не могли, а после не успели, – хохотнул он.

– Да, да, – кивнул Иван, – понимаю. В общем, есть некий человек, возможно, сотоварищи, у которого имеется вещество, которое добавляет человеку сил и вводит его в ярость. Раньше схожую субстанцию на основе мухомора использовали викинги. Слыхали что-нибудь про берсеркеров?

– Слыхал, а как же.

– Вот. Только это вещество еще сильнее действует.

– Понятно. А батюшка зачем? Усмирять их до или успо-

каивать после?

Розинцев поджал губы, обдумывая, как бы получше ответить.

– В общем, этот негодяй – крайне подозрительный и умный человек. Чтобы его не испугнуть, придумали такую штуку... – и он поведал собеседнику историю с вымышленным языческим ритуалом.

– Не ожидал от Тайной канцелярии такой выдумки, – по своей привычке удивленно-иронично оценил Опричников идею, – тогда и батюшка сгодится нам – будет исповедать грешников, а мы их тоже послушаем, коли надо будет.

– Как можно! Это ведь тайна исповеди!

– Ну так не мы же исповедовать будем. У Прискорн этой народец старцу сгоним, так-то они ничего не скажут, наверное, а старцу все как на духу поведают. Опять же, делом займем святого человека, нам докуки меньше, – подмигнул он Ивану.

Когда приехали в расположение к Опричникову, было уже к обеду, и их пригласили в шатер с накрытым столом. За такой стол не стыдно было и графов усадить.

– Вкусная и разная еда – пожертвование человека мозгу, – прокомментировал Опричников изумление Ивана.

– Это как же? – спросил Розинцев.

– К примеру, вы бывали в местах, где свирепствует голод?

– Не довелось, но об ужасах наслышан.

– Так вот мозг – это и есть тот ужас, когда он берет власть

над человеком. Видит он, к примеру, что еды нет, и человек человеческим способом ее добыть не может, а другим не хочет – вот он и отстраняет этого человека от управления телом, берет власть, берет в руки топор, ну а там уж как получится.

Иван наморщился:

– Весьма интересная теория.

– Это практика, как-нибудь в другой раз расскажу, а пока давайте-ка поедим, чтобы мозг наш был покоен и помогал думать.

После обеда сидели за небольшим столиком под открытым небом, потягивая вино. Стояло бабье лето, дул легкий освежающий ветерок.

– Я вот что думаю, Иван Михайлович, – нарушил тишину Опричников, – себя я выдам за вас, а вы притворитесь моим помощником.

Иван вспыхнул и вскочил – такое покушение на его важную персону!

– Потрудитесь объясниться, сударь!

– Посудите сами, – как ни в чем не бывало продолжил нахальный поручик, – во-первых, все внимание преступника и его подручных будет уделено мне, у вас же будет больше свободы действий. Во-вторых, ежели там и впрямь злодей, как его все описывают, то он может устроить покушение на следователя, а защитить себя самого мне гораздо проще, чем вас.

Идея была разумной, но подставлять под удар другого бы-

ло немислимо:

– Как вы можете подобное говорить, сударь! Чтобы я прятался за чью-то спину – никогда такого не будет!

Он хотел сказать еще что-то из возвышенного на предмет дворянской чести, но тут его рот накрыла большая ладонь, а к горлу был приставлен нож.

– Я вот об этом говорю, Иван Михайлович, – подал кому-то за спиной знак Опричников, и Ивана тотчас отпустили, – простите, но вы и пошевелиться не успеете в свою защиту. И вряд ли почувствуете засаду с ружьем в кустах или отраву в бокале, а мне, сами слышали, не кто-нибудь, а сам граф Панин наказал стеречь вас, как зеницу ока. Так что пожертвуем вопросами чести в интересах дела, – и жестом пригласил его снова сесть.

Иван сел, несколько взволнованный акцией с ножом у горла. За всю жизнь ему не угрожали членовредительством столько, сколько за последние два дня.

– И еще мы на вас наденем легкий панцирь под одежду, я это сам придумал. От пули он не защитит, а вот от ножа или вил очень даже.

– Мне кажется, господин Опричник, вы сильно сгущаете краски, – напустив в голос серьезности, сбравдничал Иван.

– Не забывайте, господин Розинцев, что мы направлены в крестовый поход, – с подобающей миной на лице произнес Опричник и рассмеялся.

Поняв, что препираться бесполезно, Иван согласился на все его затеи.

К вечеру на простой крестьянской телеге прибыл старец. Выглядел он так, как себе и представлял Иван – среднего роста, сухой старик с седой бородой и с чистым, просветленным лицом.

Поклонились. Отец Варлаам осенил каждого крестным знаменем.

– Не угодно ли отужинать, святой отец? – спросил Петр.

– Благодарю тебя, сын мой, я в дороге поел. Пойду помолюсь, и ко сну отходить надобно. Когда поедем по делу нашему праведному?

– С первыми лучами, батюшка.

– Истинно мыслишь, сын мой. Где отведешь мне место для ночлега?

Они прошли в большую избу, больше похожую на терем, Петр отвел старика в отведенную ему комнату. Поужинав, легли и молодые люди.

...Утром Иван, надевший форму Петра, с удивлением взирал на конный отряд кирасир в 20 сабель.

– Мы на войну, что ли, едем? – спросил он Петра.

– Во-первых, мы едем ловить язычников, кто знает, сколько их там, во-вторых, сила вызывает уважение, местные власти и помещики должны трепетать и преисполниться уверенностью при виде воплощенной грозной воли Ее Величества, в-третьих, если ваш лекарь этот со злости нальет своего

зелья целой деревне – и этих-то мало окажется.

Иван вздохнул, кто знает, как оно там будет.

К обеду добрались до Никольского без происшествий. Отец Варлаам ехал в своей повозке позади казенной кареты, в которой расположились молодые люди, и к их удовольствию нравоучительными беседами не донимал.

В Никольском времени он у них отнял предостаточно – сначала устроив большой молебен, а затем обратившись к народу с проповедью. Однако и то и другое служивые люди пропустили – Розинцев с деланным вниманием изучал волнительные объяснения местного блюстителя порядка по факту кощунственного действия, попутно выспрашивая, как бы между делом, сведения о помещице Прискорн и ее поместье. Опричников под предлогом изучения окрестностей на предмет охоты выяснял возможные подходы к деревне с различных направлений.

Встретившись во второй половине дня, обменялись добытой информацией.

– В графине ничего примечательного нет: вдова, в свет выходит не часто, состоятельная, имеет текстильную фабрику и около 500 душ крепостных. В хороших отношениях с властями, – сообщил Розинцев.

– К деревне можно подойти с севера только со стороны леса, по небольшой гряде – с запада болото, с востока бурелом. Ну и есть дорога от поместья Прискорн, которая идет в деревню тоже с запада.

– Как поступим? – спросил Иван. Пока расследования особого не было, лучше было довериться более опытному Опричникову.

– Батюшку ждать не станем, берем с собой четверых да кучера и едем в поместье, остальные сопровождают святого отца до поворота к поместью и потом лесом, скрытно, к деревне подойдут. Посмотрят за ней, может, кто деру решит дать, ну и помогут, если битва начнется – Засадным полком будут! – рассмеялся своей шутке Опричников.

Иван вежливо улыбнулся и выложил поручику свою идею.

– Петр Николаевич, есть у меня к вам просьба.

– Слушаю вас.

– Дворовые крестьяне, как правило, больше знают, чем думают их хозяева.

– Так и есть.

– Хорошо бы, если один из ваших людей прикинется глухонемым, при нем дворовые не будут скрываться, а если мы лекаря этого в поместье не застанем или не представят нам его, то второй пусть скажется больным, да спросит, нет ли врача какого – ему все про всех расскажут.

– А что, отличная мысль! Федор, – окликнул он кучера, – глухонемым будешь, и попробуй хоть на один оклик обернуться, – погрозил ему кулаком.

Тот в ответ молча поклонился.

– И трись поближе к девкам, они таких убогих жалеют, глядишь, меж собой наболтают чего полезного.

Еще раз поклонился.

– Кузьма, скажешь дворовым, будто болит у тебя что, слушаешь, что наговорят. Да не перебивай, что говорят, то и слушай.

– Слушаю, Ваше благородие!

...К усадьбе Прискорн подъехали утром. Хозяйка уже бодрствовала и вышла к ним в черном траурном платье.

– Чем обязана, господа? – спросила она тоном, в котором гостеприимности было как воды в пустыне. И хоть она не была молода, лет за пятьдесят, но на ее лице практически не было морщин. Иван также отметил совершенно пустые глаза – как у рыбы.

– Петр Опричник, по приказу Ее Величества Императрицы Всероссийской осуществляем розыск по всей губернии святотатцев-язычников, кои своими обрядами мерзкими наводят страх на население и несут урон Христианской вере, – абсолютно равнодушным тоном продекламировал Опричник, разглядывая постройки усадьбы и не обращая ровным счетом никакого внимания на хозяйку поместья.

– Мои люди посмотрят по лесам, поспрашивают ваших крестьян и, коли все слава Богу, мы тот час отбудем, направив Ее Величеству соответствующее донесение – продолжил он, оглядываясь вокруг. – Где прикажете нам расположиться?

– Ах да, я слышала про эти ужасные события подле Ни-

кольского, рада, что Ее Величество не бросила нас в беде! – просияла Прискорн, но выражение глаз не изменилось.

– Вы и ваш спутник расположитесь у меня в гостевых комнатах, солдатам и кучеру найдем место во флигеле для прислуги. Поди девок не попортят мне?

Опричников был несколько озадачен подобным вопросом. Повернулся к подчиненным:

– Девок не портить, баб не лапать.

– Слушаем, Ваше благородие! – рявкнули те в ответ.

Показав всем видом, что с девками теперь будет все в порядке, Опричников смотрел на Прискорн с неммым вопросом.

– Проходите, проходите, господа, – спохватилась та, – если угодно, через полчаса на веранду подадут завтрак.

– Будем премного обязаны. Да, если будет что угодно – это мой секретарь Иван Розинцев, – небрежно бросил Опричников.

– Благодарю вас, – улыбнулась молодому человеку баронесса, лишь скользнув по Ивану взглядом.

За завтраком Опричников сообщил, что скоро подъедет отец Варлаам, посланный самим архиепископом Санкт-Петербургским для искоренения ереси и успокоения душ христианских, и что надо бы крестьян на молитву собрать, да не всех сразу, а по частям: дворовых, поселковых, фабричных.

Хозяйка охнула и пошла лично раздавать указания.

– Ну вот и славно, – откинулся на стуле Петр, – хоть позавтракаем без учтивостей.

Ивана немного покоробило, он еще не привык к цинизму напарника.

– И что мы будем дальше делать?

– Проедемся верхом по деревням – их тут всего-то две, одна вон рядом с усадьбой и вторая, которая нам и нужна. С нее и начнем.

После завтрака спустились с веранды немного размяться. Петр подозвал солдата, которому велено было прикинуться больным.

– Докладывай.

– Как вы, Ваше благородие, и приказали, сказался больным, мол, зуб болит. Спросил, нет ли тут врача какого. Есть, говорят. Да только он днями в деревне Дно пропадает, а в усадьбу, стало быть, только вечером приезжает.

– Что еще узнал?

– Про деревню эту нехорошее говорят. Мол, рядом озеро проклятое там, а в озере нечистая сила живет, и ночами из него вурдалаки вылезают. Да еще по приказу барыни в ту деревню всех хворых да убогих свозят, будто бы для лечения, только дворовые меж собой шушукаются, что дохтор их вурдалакам скармливает.

– Это все?

– Сказали, если совсем мочи терпеть нет, то можно сходить к колдунье, в лесу за Дном живет. Но о ней барыня запрещает говорить.

– Хорошо местечко, нечего сказать, – развел руками

Опричников, как бы приглашая Ивана разделить его изумление, – и нечисть в озере, и отравитель, и ведьма, и все рядышком уживаются. А батюшка местный куда ж смотрит?!

– Барыня его уж с полгода как спровадила. Часовенку-то она на свои деньги построила, как муж умер, а тут дохтор этот объявился, слухи поползли, ну она и спровадила его, мол, ремонт надо делать.

– Что за слухи?

– Дворовые слышали, как дохтор обещал барыне, будто элексир молодости сделает вскорости.

– И тебе об этом так и сказали?

– Нет, это уже Федька подслушал. Бабы, они ведь как – стоит им только рот открыть, так пока язык не отвалится, болтать им будут.

Опричников хохотнул.

– Ну что же, господин Розинцев, картина, думаю, ясна. Обосновался наш голубчик у баронессы под посулы вечной молодости, да ставит эксперименты над крестьянами вволю.

Решили ехать незамедлительно.

Прибыли к полудню, как появилась деревня в поле зрения – гнали галопом, чтобы не дать лекарю шансов далеко убежать. Его нашли в доме у деревенского старосты, где он и проживал.

– Барин велели их не будить! – встал перед дверями в комнату разыскиваемого крепкий мужик лет сорока.

Опричников, не говоря ни слова, отвесил ему оплеуху, от

которой староста отлетел в сторону. Одним ударом вышиб дверь. В скромно обставленной комнате на кровати лежал человек. Поручик вытащил из ножен шпагу, приставил спящему к горлу, громко сказал:

– Сударь, просыпайтесь!

Никакой реакции не последовало. Тогда Опричников отвел шпагу и с силой пнул по кровати:

– Да проснитесь же!!

Человек в кровати не подавал признаков жизни.

Поручик приложился ухом к груди лежащего. Потом поднял его руку и отпустил. Констатировал:

– Умер не больше получаса назад. А ну-ка тащите сюда бородача!

Двое дюжих солдат затолкали прикладами старосту в комнату. Опричников несколько секунд испепелял несчастного взглядом, потом процедил:

– Как ты, холоп, посмел противиться слугам Ее Величества Государыни-матушки?

Тот бухнулся на колени, закрестился и пару раз громко икнул.

– Ты пошто барина убил, нехристь? – еще злее спросил поручик.

– Я... я... – засипел мужик. – Так это, как его, енто у них так бывает!! Они нам енто, как его, не велели к ним ходить, когда оне спят, стало быть. А я как-то это, зашел, к ним барыня приехала, велела разбудить. Давай будить, а они ни в

какую! Я барыне, мол, помер господин. Что тут началось!! Давай она нас вместе с жинкой колотить чем ни попадя, мол, не уберегли, а он возьми да и выйди как ни в чем не бывало. Барыня со страху с ног долой! А он ее чтой-то пошептал, так она на него как на царя смотреть стала и довольная уехала.

– Так ты что же, спяну живого от мертвого не отличил?! – рявкнул Опричников.

Мужик развел руками:

– Не пимши был. Может, и почудилось, – перекрестился, – но тряс я их сильно.

Розинцев задумчиво предположил:

– Я слышал, есть такой недуг – летаргический сон. Будто бы человек так глубоко спит, что не слышно, как сердце бьется. Бывают, таких хоронят заживо, – перекрестился.

Опричников кивнул:

– Да, я тоже слышал, – и снова обращаясь к старосте, – давно он спать пошел?

– Да как сказать, – староста озабоченно потер седую бороду, – как раз, когда Глашка, жинка моя, собиралась щи варить.

– Я почем знаю, дурак, когда твоя жинка щи ставила! – прикрикнул на старосту Опричников. – Часов, спрашиваю, сколько прошло?!

Мужик перекрестился и непонимающе захлопал глазами.

– Солнце помнишь где было? – спросил Иван.

Староста закатил глаза и почесал затылок:

– Над лесом было, – и подойдя к утлому окошку, показал пальцем, – аккурат вон тама!

– Часа два назад, – прикинул Иван.

– Что было до того, как барин спать лег? – допытывался Петр.

– Ну так как это, тово... я-то на дворе был, а барин, стало быть, как его енто, он в избе хворобной был, ну там, где чахоточных держать, а потом, стало быть, пришел и лег сразу, – мялся мужик.

– Я вот сейчас тебя велю скрутить да в пытошную сволочь, а там и в Сибирь на каторгу! Ты кому, пес, врать удумал!! Слугам царевым?!! – рявкнул Петр.

Староста побледнел, вжался в стену, закрестился и бухнулся на колени:

– Не губи, барин!!

Тут из светлицы завизжала его жена:

– Это Емелька, будь он неладен, барина отравил!!

– Какой Емелька? – все разом обернулись к женщине, которая до этого тихо сидела в углу.

– Помощник барыни! Он у нее всем заправляет! Что она ему скажет – то он и делает! Скажет запороть – запорет, скажет с глаз долой убрать – уберет так, что больше никто и не увидит!

– А барин-то тут при чем, – указал Иван на лекаря.

– Как же при чем! Они с барыней с нечистым дружбу водят, он вон и к озеру бесовскому ездит, и снадобья всякие

варит, так она, видать, испужалась, что выдаст он ее, и велела Емельке отравить его!

– Почем знаешь, что велела?

– Да как когда Емелька прискакал, конь весь в мыле и сразу до барина, потом сюда пришли, мне велели на двор выйти. Потом вышел и сказал, чтоб об нем молчали, не то в озере утопит, и ускакал обратно, да не по дороге, а полем, через лес. Домой зашли, значит, а барин в комнате, но мы к нему подходить побоялись. А тут и вы приехали.

– Если отравили, то нехорошо будет, – озадаченно произнес Опричников.

– А знахарка далеко ли живет отсюда? – спросил Иван хозяйку.

– Коли сейчас выйти, к вечеру можно успеть обернуться.

– Дорогу знаешь?

– Мужик мой знает, – ткнула пальцем в старосту.

– Лошадь сможет пройти? – резко обратился Опричников к мужику.

– Пройдет, как не пройти, тама, ежили что, под узцы можно повесть.

– Никифор! – окликнул Петр подчиненного, не став дослушивать старосту, – бери трех коней, этого вот тоже, – кивнул головой на мужика, – и мухой до этой ведьмы, хошь уговаривай, хошь вяжи, но чтобы еще засветло были здесь! И чтобы противоядия взяла, какие есть! Ясно?

– Так точно, Ваше благородие! – козырнул солдат и, схва-

тив мужика за шкуру, поволок к двери. – А ну пошли, не то их благородие осерчает!

– И мы давайте на воздух выйдем, Иван Михайлович, а то надышимся еще заразой какой. А ты, – это уже к хозяйке, – протирай его холодной водой, да попой, если пить сможет!

Вышли, уселись на завалинку в тенек.

– Как-то не совсем все ладно выходит, – задумчиво, но неунывающе произнес Опричников.

– Если Прискорн решилась отравить доктора, не думаю, что она нас будет дожидаться, – поделился мнением Иван.

– Это точно, но я думаю, далеко ей от нас не убежать. Вот если доктор преставится – золотишко найти трудно будет. Куда он его тут спрятать мог?

– Думаю, в озере или рядом с ним – хозяйка сказала, часто туда ездил, а на кой ему озеро-то? Не с нечистым же шептаться. А народ туда ходить боится, самое, значит, и место.

Опричников хохотнул:

– Значит, не веришь в бесовщину?

– Еще чего не хватало, – гордый своей просвещенностью, ответил Иван.

Вскоре послышался топот копыт. Вышли за ограду посмотреть. К ним на полном скаку подлетел Федор. Спрыгнул, поклонился.

– Ты чего прилетел, как ошпаренный? – спросил удивленный Опричников.

– Как вы уехали, барыня собираться начала, а я подслушал,

что она сюда кого-то отправила, девки говорят, не иначе как по души приезжих, а еще говорят, коли они, стало быть вы, к вечеру обратно засобираетесь, то точно сгинете. Вурдалаки, мол, сожрут.

У Опричника на лице было написано веселое недоумение:

– Значит, вурдалаки тут все-таки водятся?

– Ну, так сказали, – развел руками ряженный конюх, – а как сказали, стали вспоминать, кто и когда пропал, да про крики жуткие по ночам, которые иногда слышат.

– Да, чем темнее народ, тем страшнее вурдалаки, – задумчиво произнес Петр, – однако ночевать будем здесь – неизвестно, когда Никифор вернется, приволочет ли ведьму, да и засаду нам вполне устроить могут.

– Или здесь напасть, – вставил Иван.

– Или здесь напасть, – согласился Петр и задумался.

– Вот что, – сказал он, немного подумав, – ночевать будем у озера.

– Это почему? – удивился Иван.

– Потому как если Емельке этому наша милая баронесса приказала расправиться с нами, и он не подловит нас на обратном пути, то придет сюда. А в доме нам не отбиться – окон всего два, и те в одну сторону смотрят.

– Так ведь хорошо – возьмем дверь под прицел, а в окна они не пролезут.

– Не пролезут, – согласился Опричник, – потому возь-

мут и подпалят дом. А там хошь гори, хошь сам на улицу вы-
бегай на вилы. Да пара ружьишек, поди, у его ватаги имеется.

Представив картину полыхающего позади дома и темноты, ощеренной вилами да ружьями, Иван поежился. Очень захотелось в кабинет, к депешам и чернилам.

– Решено, – рубанул рукой воздух Петр и, обращаясь к солдатам: – лекаря в телегу, во вторую – дров доверху, в третью – сами, да еды какой, и еще пару телег, если найдете.

Служивые кинулись исполнять приказания.

– Семен, стой, поди сюда! – окликнул он одного из своих людей.

– Слухаю!

– Скачи в лес, скажи нашим, чтобы, как стемнеет, быстро шли к озеру. Коли надумает на нас напасть кто, мы их с двух сторон прищучим.

– Разрешите исполнять?

– Давай, одна нога здесь, другая там!

У Ивана немного отлегло – он за всеми событиями и забыл уже про их Засадный полк. С ними-то бояться нечего, 15 кирасир – это не шутки, любую нечисть в землю втопчут.

В шестом часу странная процессия, провожаемая сотней испуганных глаз селян, двинулась к озеру. Старостиной жене наказали, как только мужи из лесу вернутся, направить их к озеру.

Добравшись к шести, устроили оборону. Телеги перевернули на бок и подперли их, образовав полукольцо. Подходы с

тыла прикрывал обрывистый берег высотой с два человеческих роста. Оружия хватало – у каждого ружье, пара пистолетов, шпага и кинжал. Но Ивану все равно было тревожно. В голову почему-то лезли картины побоищ древнерусских дружинников со степняками – вечернее поле с ковылем, тревожный лес, пылающее закатом небо, чем не былинные виды?

Прискакал Семен, спрыгнул с коня, подбежал к поручику:

– Ваше благородие, отряда не нашел!

– Это как так? – нахмурился тот.

– Ни следа, Ваше благородие. Я походил сколь мог, покричал – никого.

«А мы себя сами загнали в ловушку», – тоскливо подумалось Ивану.

– Да-а... – протянул Опричник. – Места здесь и впрямь загадочные. Может, они на разбойников этих наткнулись да перебили их уже всех? – задал он вопрос сам себе.

– Догадались бы тогда послать кого с вестью, – вставил Иван.

– Значит, что-то у них не получилось. Ладно, будем отбиваться своими силами, не впервой, так ведь, молодцы мои?!

– Так точно, Ваше благородие! – гаркнули те в ответ.

Когда солнце клонилось к горизонту, они увидели трех всадников. Это был Никифор, староста и горбунья.

«Чисто ведьма», – подумалось Ивану, и его передернуло. Коротать ночь на берегу проклятого озера в компании ведь-

мы и окружении вурдалаков – то еще удовольствие.

Вблизи бабка оказалось достаточно большой – кабы не горб, была бы с Федора ростом. На удивление была одета в красивое русское платье, которое кричаще контрастировало с ее ужасно старым лицом и крючковатыми пальцами.

Недовольно фырча и что-то бормоча под нос, она присела у головы лежащего на траве лекаря.

– Ну здравствуй, голубчик, – проскрипела она и наклонилась над ним.

– Подобру пошла? – спросил Опричников у Никифора.

– Подобру, Ваше благородие, пофырчала, поскрипела да пошла!

– А избушка у нее на курьих ножках? – иронично поинтересовался Петр.

– Ну, не то чтобы на курьих, но на высоких четырех столбах. Вся мхом поросшая. И вороны большие на крыше и деревьях рядом, – Никифор слегка побледнел. Видать, зрелище и впрямь было необычное.

Ведьма тем временем склонилась над арестованным то ли покойником, то ли спящим. Прodelала ряд манипуляций, побормотала. Встала, доковыляла до молодых людей.

– Что смогла, то сделала. Он не умер, он жизнью и смертью между. Я шептала заклинание, он очнется, но не знаю, когда, – прохрипела она и уставилась на молодых людей черными глазами, в которых плескались краски заходящего Солнца.

Опричников с сомнением посмотрел на знахарку:

– Ну гляди. Коли соврала, утоплю. И озеро как раз подходящее, – кивнул он головой в сторону воды.

– Семен! – окликнул одного из солдат. – Стереги лекаря.

Коли начнет очухиваться, скажешь.

– Слухаю, Ваше благородие!

Отошли. Иван озадаченно сказал:

– Какой-то странный выговор у этой бабки. Слова выговаривает и речь строит как будто бы немка. Или суоми. Но акцент непонятный.

Опричников кивнул:

– Да, говорит она явно не как ведунья. Самое интересное, что они оба неживые.

– Что?!

– Это сложно объяснить, ну, в общем, у меня очень развиты все чувства. Все живое источает некую энергетику. Я с закрытыми глазами могу сказать, что со мной рядом находится – дерево или мышь. От этих же двоих ничего не исходит. И голос у нее неживой.

– Очнулся, Ваше благородие! – крикнул Семен.

– Ну вот и славно, сейчас мы многое проясним, – сказал довольный поручик.

Когда они подошли к лежащему арестованному, тот вполне уже проснулся и со злостью смотрел на молодых людей.

– Усади его, – приказал поручик солдату.

Критично осмотрел пленника, буднично произнес:

– Вряд ли вас просто повесят. Думаю, сначала пару дней вы проведете в пытошной и перезнакомитесь с лучшими живодерами системы.

– Стареющей даме обещание вечной молодости является уже преступлением государственным? – удивился мужчина. – Думаю, церковного покаяния достаточно будет.

Опричников с Розинцевым переглянулись. Поручик продолжил:

– Я говорю не о ваших с Прискорн делишках. Я говорю о покушении на Ее Величество.

– Какое покушение? – сделал удивленное лицо пленник.

– Деньги, которые вы сюда перевозили, были помечены особым запахом, которого даже в Санкт-Петербурге не сыскать, не говоря уж о местных просторах, – вклинился в разговор Розинцев, – и вы явно им пропахли, перетаскивая тюки с монетами.

Доктор ослабился.

– А говорят, деньги не пахнут, – и он рассмеялся, – неужели туалет Императрицы?!

Иван был несколько сбит с толку.

– О! Недостаток образования, молодой человек, не дает вам возможности оценить шутку! Тысяча семьсот лет назад император Древнего Рима Веспасиан ввел налог на туалеты со словами «Деньги не пахнут».

Иван побагровел и хотел что-то сказать, но не находился.

– Очень интересный экскурс в историю, – прервал паузу

Опричников, – ребята, ну-ка спеленайте его по полной форме, рядом вбейте кол и сего господина к нему привяжите.

Двое солдат без разговоров принялись за дело.

– Знахарка и этот господин одного поля ягоды, – вполголоса произнес Розинцев. – Возможно, в лесах прячется шайка и деньги нужны, чтобы ее вооружить и прокормить.

– Да, интересное совпадение. Надо будет со знахаркой тоже предметно побеседовать.

Решив этот вопрос, вернулись к уже привязанному к столбу лекарю. Опричников присел на пенек возле него:

– Куда вы спрятали деньги?

– А коли не скажу, тогда что? – осклабился доктор.

– Егор!

– Слушаю, Ваше благородие!

– Сделай-ка мне одолжение, любезный, поищи тарантула или жука какого, – отдал Петр поручение, не сводя глаз с доктора.

– О, восточные пытки! – воскликнул тот. – Портить карму не надо, милейший, просто мне было интересно, обойдется без насилия или нет, – сообщил доктор. – Телегу с деньгами я закатил в воду вон у тех кустов, там подъезд к озеру удобный.

– Егор, отставить! Сбегай вон до тех кустов, погляди, нет ли там в воде телеги какой с мешками.

– Пусть только не пугается, я к ней двух крестьян привязал, которые помогали мне.

– И поаккуратней там, к телеге покойники привязаны, – крикнул Опричников вслед бегущему солдату.

Какое-то время Опричников внимательно рассматривая пленника.

Затем окрикнул старосту, боязливо мнущегося по ту сторону повозок:

– Эй, как там тебя, мужик!

– Прокопом меня зовут, барин, – поклонился тот.

– Бери всех коней и давай с ними в лес или еще куда. Коли ты мне их поутру в целости вернешь – червонец золотом получишь.

Крестьянин охнул и бросился собирать пасущихся рядом лошадей.

Остальным поручик дал команду в шестидесяти шагах от повозок полукругом сложить костры.

Потом обратился к знахарке:

– Ты пока побудешь с нами, мало ли что с доктором случится.

– Хорошо, – проскрипела та в ответ, – а чего же с добрыми молодцами не провести ночку вместо нежити всякой.

– Так ты же одна из них, – хохотнул Петр.

– Эх, верно лекаришка говорит – темные вы люди. Баба Яга – последний живой человек, которого видит добрый молодец Иван, когда уходит в потусторонний мир, потому что она живет на границе миров.

– Сказочный у нас вечер получается, – подмигнул Оприч-

ников Розинцеву.

Иван отошел и облокотился на телегу. «Стрелять будет удобно», – подумалось ему, но как-то отстраненно, он все еще не верил, что у баронессы хватит духу отправить крестьян убивать посланников самой Императрицы. Это даже в голове не укладывалось. И вселяло надежду, что все обойдется. В конце концов, даже если у них и хватит духу приблизиться, то после первого же залпа разбегутся. Они крестьяне, в конце концов, а не боевое подразделение.

И ладно, что еще с доктором этим без пыток обошлось. И тут он вспомнил пытошную и Шешковского, вспомнил, как очнулся в его кабинете и швырнул в него стулом, приняв за инквизитора. Его взяла оторопь от таких воспоминаний. На кого руку поднял! За это на каторгу до скончания века можно загреметь было. «А загремел вот в первые ряды», – сказал сам себе.

Прибежал Егор, доложил:

– Есть в воде телега, в ней мешки, на ощупь с монетою.

– Молодец, хвалю! – улыбнулся Опричников. – Ну что, господин Розинцев, две трети дела справили – деньги и вора нашли, осталось всего чуть – ночь пережить! – и подмигнул Ивану.

«Это точно», – подтвердил про себя Иван.

– А пока кругом тихо, пойдемте, послушаем истории на ночь, – кивнул он в сторону их пленника.

Сели у костра.

– Как вас зовут?

– Вяземский Михаил Семенович.

– Что вы нам еще можете рассказать? А то, признаться, скучно становится.

– Скучно вам этой ночью точно не будет, – ухмыльнулся Михаил Семенович, – но до того, как все начнется, я расскажу вам кое-что для понимания момента. И постараюсь покороче.

– До утра нам торопиться некуда, – заметил Опричников.

– До утра вам надо еще дожить, – с нажимом произнес доктор.

– Вы о людях Емельки говорите? – уточнил Петр.

– О его нелюдях, – горько осклабился тот.

– Не понимаю.

– Понимать тут особо нечего. Он из беглых солдат, воевавший, скотил втайне от баронессы банду из разбойных людей и из крестьян недовольных, хочет с ними на Дон идти, чтобы появиться там не гол как сокол, а уважаемым человеком.

– И вы ему приказали на нас напасть?

– Да.

– Значит, ко всем вашим преступлениям еще и покушение на жизнь слуг государевых припишем? – строго осведомился поручик.

– А приписывайте, семь бед – один ответ.

– Сколько их, чем вооружены?

– Человек двадцать, может, еще из селян возьмет кого. У него есть два пистолета, думаю, несколько ружей, но они вряд ли исправны, да и пороху у них нет.

– А как будет выглядеть убийство слуг Ее Величества, вы не подумали?

– Я хотел все по-тихому сделать. Подсыпать снотворного, подождать пока уснете, потом вывезли бы вас в поле, перебили, воткнули бы кол с черепом козлиным, да и всего дел. Искали язычников, да они вас сами нашли. И концы в воду. Да сам уснул не ко времени, – горько рассмеялся доктор.

– Вы всегда спите мертвецким сном? – спросил Иван.

– Всегда.

– Необычная особенность, – поддержал тему Опричников, – не поделитесь, откуда она у вас?

Тот пожал плечами:

– С рождения.

– Почему вы сказали, что у Емельки в ватаге нелюди? – перевел тему Иван.

– Вы считаете людьми тех, кто из-за лошаденки хилой семью перережет? Да не просто, а сначала поглумятся над лицами женского полу? К тому же я Емельке настой один дал – в разы повышает агрессивность, собственно человек зверем делается.

– Зачем, если они и так люди злые и бесчеловечные?

– Во-первых, вы не крестьяне безоружные, могут и трухнуть, во-вторых, вы же язычников ищите, ну вот и нашли,

а те вас в ярости и разорвали на части. Но погибли вы героически! И местечко какое – проклятое озеро, самое то для капища. Глядишь, вас еще в мученики запишут, – и зло расмеялся.

– Этот же настой Вы и императрице подсунули?

– Конечно нет, ее настой куда как тоньше и изощренней!

– А противоядие?

– Распахнутая моим эликсиром дверь уже не закрывается.

То, что она выпила потом – закрывает эту дверь, но не на замок.

– Вы бесчестный мерзавец и негодяй!! – выкрикнул возмущенный Розинцев.

– Сами тоже готовы с нами полечь под черепом козлиным? – повернул разговор в другое русло Петр.

– Есть у меня надежда, что меня все ж таки не тронут, я у них за своего, да и боятся они меня, колдуном почитают.

– Если что, я тебя лично трону, – пообещал ему поручик.

– Это уж как выйдет, – пожал тот плечами.

– А почему местные о вурдалаках говорят? – поинтересовался Иван.

– Люди склонны сами себя страшать, – посмеялся лекарь, – взять хоть это озеро. Тут раньше карьеры были, глину вроде добывали, потом, видать, до подземной речки докопались, вот она и затопила тут все. Естественно, это сразу нечистому приписали. Ну и люди тут раньше пропадали – полезут мужики спяну купаться, затащит их водоворотом

под воду, кто виноват? Нечистая сила, конечно! А когда я узнал, что Емелька банду сколачивает, чтобы люди в лес не совались, пустил слух про вурдалаков, мол, из озера вылезают по ночам, а для пушей убедительности велел самым горластым разбойничкам иной раз выть по ночам, – и снова засмеялся.

– Зачем вы сожгли дом с людьми и что сделали с разбойниками, которые напали на вашу карету – Розинцев решил прояснить все обстоятельства, связанные с этим делом.

Вяземский усмехнулся:

– И про то прознали. Эксперимент вышел из-под контроля. Я уже не мог вернуть тех людей в обратное состояние анти...противоядием, в общем, они перестали меня слушать и была угроза, что убегут. Перебить их по-тихому у меня не получилось. А здесь – он тяжело вздохнул – я уснул, пока ехали. Проснулся – слуги перебиты, все мои снадобья украдены. Скорее всего, выпили сдуру все, что было, да поубивали сами себя. Тут других вариантов нет.

– А волки что же? – Иван вспомнил рассказы о волках, которые на людей повадились бросаться.

– А что волки? Зима, голодно. Думаю, они сожрали останки разбойников. Распробовали человечину, да к тому же в крови у них была просто лошадиная доза зелья, вот оно на них возможно и подействовало. Интересно было бы узнать, как именно – глядя в пустоту, закончил доктор.

– И здесь вы продолжили эксперименты? – задал послед-

ний интересовавший его вопрос Иван.

– Да. И скоро их результаты вы почувствуете на себе.

Розинцев презрительно pokrивил губы и отвернулся.

– Чем больше темнеет, тем интереснее становится, – прокомментировал допрос Опричников и, повернувшись к солдатам, окликнул: – Свист, уже почти стемнело, сейчас дам инструкции по бою, потом давай в поле, отползи от закладок костров шагов на сотню и лежи – слушай. Как услышишь, что люди идут – свисти и бегом сюда.

– Слушаюсь! – отчеканил Семен, он же Свист.

– Панкрат, Евстафий, как Семен знак подаст, хватайте факела и бегом костры поджигать.

– Есть!

– Теперь по бою. Первый и второй залпы по моей команде. Первый залп выпалим в темноту, целить на два аршина выше костров. Ясно?

– Так точно, Ваше благородие!

– Второй выстрел целить в живот. Потом за пистолеты, бить по одному выстрелу, наверняка чтоб! Как лезть через телеги начнут – штыками в грудь, ежели штыками не сдержим – ружья бросай и за шпаги да кинжалы. А там как Бог даст.

– Целить лучше в голову али в сердце, – проскрипела старуха, – иначе вы их не возьмете, они до боли нечувствительные после зелья делаются.

– А ты откуда про то знаешь? – резко спросил Петр.

– Ведунья, значит, и ведаю.

– Та у нас еще компания собралась, – и обращаясь к солдатам, – второй залп целить в грудь, а из пистолетов в голову.

Отдав распоряжение, Опричников взял Ивана под локоток, отвел подальше, к самому обрыву.

– Я вот думаю, Иван Михайлович, вам будет хорошо подстежку мою железную снять да под бережком спрятаться, – сдавил локоть сильнее, когда Розинцев попытался возмущаться, – и коли начнут нас эти вурдалаки одолевать, вы потихоньку вдоль берега отплывите, потом расскажете, что и как было, да укажете, где деньги спрятаны.

Но Иван захорохорился:

– Никакие деньги не стоят чести дворянина! Я буду сражаться наравне со всеми!

– Ну что с вами поделаешь, – досадливо поморщился Опричников, – тогда так, стойте в пяти шагах за нами и стреляйте только в тех, кто проскочит нам за спины.

– Понял.

– Старайтесь бить прямо в голову, в упор и так, чтобы голова врага не была на одной линии с головой кого-нибудь из нас.

– Конечно, Петр Николаевич, приложу все усилия.

– Надеюсь на вас, – ободряюще похлопал Ивана по плечу и занял свое место у повозок.

Стало уже совсем темно. Небольшой костерок давал света достаточно, чтобы видеть периметр обороны и туман, сте-

лющийся по черной глади озера. Над ними светилось мириадами звезд безлунное небо. В траве стрекотали кузнечики.

«А если еще из озера какая жуть полезет», – передернулся от такой мысли Иван, но постарался забыть о ней – и земных тревог хватало.

Выдала трель какая-то птица. Двое солдат подбежали к костру, схватили горящие в нем факела по паре каждый и исчезли в темноте. Иван встал на ноги, вытащил из-за пояса пистолеты и взвел курки.

Вскоре запылали костры – заложенное среди дров сено запылало быстро и ярко.

Солдаты бежали обратно, из темноты между костров выскочил Семен. Перепрыгивая телегу, сказал:

– Не меньше тридцати, вашбродь!

Поручик скомандовал:

– Товсь!

Практически одновременно хрустнули взводимые курки ружей.

– Цельсь! – ружья были наведены в черноту ночи.

– Пали!!

Ударил неожиданно хлесткий залп, солдаты стали быстро перезаряжать ружья.

– Товсь!

Щелчки курков.

– Цельсь!

Дула снова стали высматривать темноту. Иван ждал вто-

рого залпа, но поручик медлил.

И тут он увидел за кострами бегущих сплошной стеной мужиков. Бежали молча.

– Грудь пааа-ли!

Треснул залп.

– Пистолеты бери!

В рассеяншемся пороховом дыму Иван видел, как бегущие проскакивают между кострами и без всякого строя бегут к ним. Поднял пистолеты. Нападающим оставалось до повозок шагов десять.

– Пали, ребята!!!

И тут уже стало видно, насколько быстро бегут нападавшие. Возникло чувство, что они и не собираются останавливаться – просто сметут телеги с обороняющимися в озеро и все.

Ружья со штыками никто схватить уже не успел – нападавшие просто перелетели в прыжке через телеги, норовя вцепиться противнику в горло. Двое солдат повалились на траву, сцепившись с противником, двое оказались ловчее – увернулись от нападавших и подтолкнули их – рычащие мужики полетели в озеро. Федор махал налево-направо своими кулачищами, раскидывая нападавших, Опричников дал себя перепрыгнуть и с разворота отрубил нападавшему голову, затем второму, не дав тому приземлиться, отступив на шаг – третьему. Солдаты всюю орудовали кинжалами, а нападавшие лезли через телеги, рычали и пытались вцепиться в них

зубами.

Шокированный происходящим, Иван попятился и, оступившись, полетел вниз с обрыва. Скатился к самой воде, в которой отчаянно барахтались двое. Пока падал, выронил оба пистолета, чертыхнулся, выхватил шпагу и кинжал с твердым намерением не дать этим двоим выбраться на берег.

В этот момент там, сверху, раздался жуткий вой. Казалось, сам воздух дрожал и вибрировал. У Ивана подкосились ноги. Вой повторился. Потом все стихло, всплески быстро удалялись. Вскоре над головой стало светло, Иван рефлекторно посмотрел вверх. Над ним с факелом стоял Опричник:

– Вы целы, Иван Михайлович?

– Цел, а вы?

– Тоже. Сейчас скину веревку.

Через пару минут Иван созерцал место побоища. Все было залито кровью, на земле лежало с десятков тел и несколько отрубленных голов. Ивана замутило, и он отошел к самой крайней телеге отдышаться. Солдаты тем временем поскидывали тела за периметр и занялись осмотром ран. Иван подошел к костру, у которого стоял Опричник, держащий в сцепке руки за спиной, и на кого-то смотрящий. Проследил за взглядом. Оказалось, Петр смотрел на какого-то мужчину, рослого, в черных штанах, добротных сапогах, с пристегнутыми к бедрам ножнами и белой рубаше. «Откуда ему тут взяться», – подумалось еще плохо соображающему Ивану.

– А что это был за рев такой? – спросил он никого и всех сразу.

Опричников молча указал рукой в сторону неизвестного.

– Раз слуги государевы не могут уберечь бедную девушку, девушке пришлось позаботиться о себе и заодно и о добрых молодцах, – певучим грудным голосом сказал незнакомец и сделал шаг к свету. Это оказалась женщина, одетая в мужское. За ремень была засунута пара пистолетов.

Иван непонимающе хлопал глазами.

– Это наша старушка, – пояснил Петр Ивану.

Понятнее не стало.

Дама запрокинула голову и засмеялась:

– Ну что же здесь удивительного, все знают, что ведьмы могут превращаться в красивых девушек, так?

– Так, – по инерции подтвердил Иван, а двое солдат перекрестились.

– Ну, значит, ничего удивительного, – произнесла дева и, сев к костру, достала пистолеты, подтянула поближе свою суму и стала ловко их заряжать.

Поручик тоже подсел к костру:

– Интересное у вас приспособление, – показал он глазами на ее запястье, которое охватывало нечто вроде железного браслета или нарукавника, уходившего под рукав рубахи.

– Дудка моя, зверей всяких отпугивает хорошо. Как эти полезли, я прямо почувствовала нечто звериное в них, стало быть, думаю, может и дудка поможет. Главное тональность

угадать было.

– С тональностью, мадемуазель, вы очень даже угадали, – хохотнул Опричников, – меня аж до пяток пробрало!

– Конечно, сомнительный комплимент, но спасибо, – посмеялась в ответ незнакомка.

– Простите, а как вас зовут? – спросил Иван плохо слушающим языком.

– Это неважно. Утром я уйду, и мы больше не встретимся.

– А как же... но ведь вы не... то есть, я хотел сказать... –

Иван и сам не мог понять, что он хочет сказать.

Женщина наклонилась к нему:

– Ни-ко-гда, – произнесла она по слогам, – и не вздумайте сюда возвращаться. Да, прошу взамен на мою услугу, – она обвела место недавнего побоища рукой, – ответить своей и не указывать меня в бумагах и донесениях.

– Конечно, конечно, – поспешил заверить ее Иван, – но все-таки, что делает здесь такая дама, как вы?

– Это останется моей маленькой дамской тайной. Ладно, пойду помогу вашим бравым молодцам, – сказала она, поднимаясь, – надеюсь, мои снадобья не растоптали.

Иван вопросительно посмотрел на поручика. Тот дополнил картину:

– Во время драки парочка наших вурдалаков кинулась на нее. Один, видать, маску сбил, добротная, кстати, маска, ну а уж как она без платья и горба осталась, я не знаю, наверное, точно магия, – и засмеялся.

«Как эти люди могут шутить и смеяться в подобной ситуации?!» – подумал про себя следователь.

– А ну-ка тихо! – подала голос дама. – Слышите?

Вдали, где располагалось поместье, угадывались удары набата и поднималось зарево.

– Смотрю, там тоже погулять решили, – высказал свое мнение поручик.

– Давно пора, – раздался из темноты голос лекаря, о котором Иван уже и думать забыл.

– Как понимать ваши слова? – официально обратился он к доктору.

– Да так и понимать. Бунт это. Емелька давно грозился людишек поднять, да только я не давал ему до поры. Ну а сейчас, видать, решил, что пора.

– Так что же, он и здесь и там орудует?

– А что ему здесь делать, подручных у него хватает, им и велел с вами расправиться, а сам решил поместье пограбить.

– И люди вот так вот и пошли сразу бунтовать?

– Сразу? Да над ними милейшая госпожа Прискорн уже не один год измывается. Крестьянин забыл уже, как его поле выглядит – все на барыню горбатится, а той и Светлые праздники нипочем, которые же на заводе ее работают, тех и вовсе как скот держат – от станков не отпускают, они спят прямо на соломе у станков и мрут там, как мухи. За один прошлый год более ста двадцати душ преставилось, и большая часть, почитай, дети да отроки. Вот и думай, сразу – не

сразу. Полагаю, ее уже на части разорвали.

– Чудо, а не ночь выдалась, – саркастически отреагировал Опричников.

Как стало светать, стали собираться в дорогу. Трясущийся староста привел коней, глядя на побоище, причитал да крестился.

Всего Иван насчитал 23 тела и несколько кровавых дорожек. Потери их отряда были незначительны – солдаты были только покусаны, покарябаны да со следами от пальцев на шеях. Все-таки солдат – это солдат, а разбойник – это разбойник, хоть даже и бешеный.

У деревни расстались, староста пошел звать людей собирать покойников, дама, иронично улыбнувшись, припустила коня рысью в сторону леса. Шестеро конных и две повозки (на одной везли доктора, на другой – деньги) повернули в сторону поместья, над которым поднимались столбы дыма. Вскоре послышалась ружейная пальба.

– Утро вечера не скучнее, – скаламбурил Петр.

Уже въезжая в село, при усадьбе увидели солдат. Часть деревни выгорела. Само поместье уцелело, а вот все хозяйственные постройки сгорели. За холмом раздавалась нестройная ружейная пальба.

Около усадьбы лежало тел пятнадцать, неподалеку от них сидело около ста угрюмых, побитых, оборванных и окровавленных мужиков под присмотром десятка солдат. Командовал всем сам Шешковский, чем крайне удивил Розинцева.

Он соскочил с коня, отсалютовал и доложил:

– Ваше высокоблагородие!.. – немного замялся, осмотрелся вокруг и понизив голос продолжил: – Вора схватили, деньги нашли, перебили 23 разбойника.

– Ах ты моя голуба! – расцвел тот. – Дай-ка я тебя расцелую! – обнявши, троекратно облобызал. – Ну, молодчина! – потряс за плечи.

– Поручик Опричников со своими людьми проявили при этом недюжинную отвагу и проворство!

– Не зря, не зря тебя, голубчик, граф Панин хвалит, – Шешковский потрепал и того за плечи – орел!

Затем подошел к телеге:

– Ну здравствуй, здравствуй, голубь сизый, – ласково начал он, при этом его глаза были преисполнены холодной злобой, – скоро мы с тобой ой как душевно побеседуем, – и, обращаясь к солдатам, – чтобы ни единый волос с его головы не упал!!

– Слушаем, Ваше высокоблагородие!!

Повернулся к Розинцеву и с довольной улыбкой сообщил:

– Сработала-таки идея с собачками. В Восковицах, в трактире потявкала собачонка на мужичка одного, вывернули карманы, а там рупь серебром, да который в ход еще не пущен, приперли его к стенке, так он и показал, что деньги ему лекарь дал, чтобы склянок всяких накупил в Петербурге, а живет этот лекарь у баронессы Прискорн, в поместье Пятая гора. Вот я и сюда. По дороге заодноим ваш отряд встретил, очень ребятки мне тутгодились – слышишь пальбу? – это они оставшихся бунтовщиков утихомиривают.

– А баронесса успела сбежать?

– Успела побежать, да не успела сбежать – хохотнул довольный Шешковский – по пути нам встретилась, пришлось завернуть ее под белые рученьки. Подъезжаем, а тут бунт всюю! Такое вот дело вышло.

Днем тщательно обыскали комнаты, в которых жил доктор, собрали все книги, записи, бутылки и прочие его при-

надлежности – на две телеги вещей набралось. Поужинали да расположились на сон, кто где место смог найти, а утром отряд внушительных видов отправился в Санкт-Петербург. Пленных бунтовщиков оставили на попечение местных властей

По возвращении в Санкт-Петербург Шешковский немедленно отправился во дворец, Опричников – в свое расположение, пойманный тать – в Петропавловскую крепость, а Иван предоставлен сам себе до завтрашнего утра. Предстоял первый официальный допрос, и он убедил своего шефа в необходимости своего присутствия, так как чувствовал, что с этим делом не все так просто, но Шешковскому надобно только одно – побольше выпытать показаний, свидетельствующих о заговоре, чтобы поднять свою значимость в глазах императрицы.

Утром он уже был в гостевой комнате в доме Шешковского, а к девяти часам приглашен на завтрак – неслыханная честь!

– А! Заходи-заходи, голубчик, – радушно улыбнулся ему шеф, жестом предлагая разделить его завтрак, – вел себя молодцом, матушка, – показал глазами наверх, – довольна нашей службой. Памятуя твои заслуги, выхлопотал тебе орден Святого Георгия 4-й степени и повышение в чине сразу на два класса до коллежского секретаря.

Розинцев вскочил со стула:

– Рад стараться, Ваше высокоблагородие!! – и замер по стойке смирно, переполненный чувствами.

– Во-от, – довольно протянул Шешковский. – Хорошо послужил – хорошо награжден, я верных людей в обиду не даю.

– Благодарю, Ваше высокоблагородие!!

После завтрака поехали в крепость. Ехали молча. Шешковский – явно предвосхищая громкое дело и аппетитные коврижки, Иван – в раздумьях о том, что что-то не совсем складно получается.

Заехали на территорию. Из дверей административной части выбежал начальник тюрьмы, лично открыл дверцу кареты и помог выйти из нее Шешковскому. Срывающимся голосом доложил:

– Ваше высокоблагородие! Узник, которого доставили вчера, не далее, как десять минут назад обнаружен мертвым!

